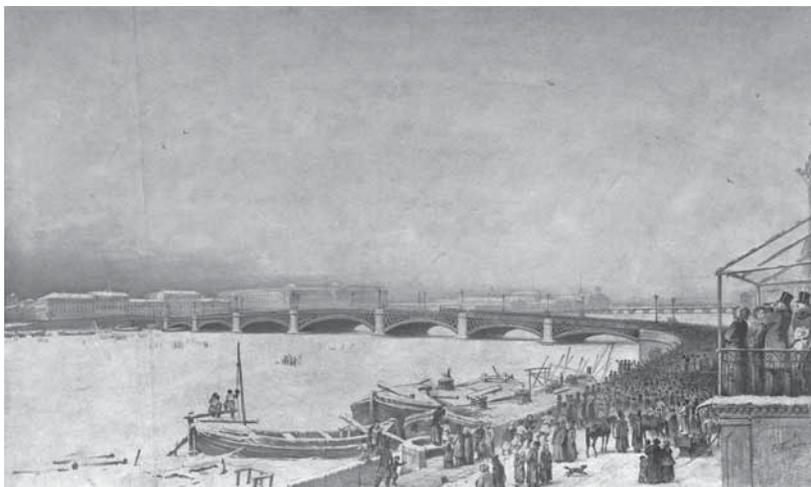

ŃĀÍ ĘŌ-Ī ĀŌĀĐĀŌĐĀ
Ā Ī Ī ĀĘ ŃŌĀŪĀĀ
Ę ŃŌĀŪĀĀ Ī Ī ĀĀĪ Ī ĀĐĪ ĀĀ

ÑÀÍ ÊÒ-Ì ÅÒÅÐÁÓÐÃ Â Ì Î ÅÉ ÑÓÄÜÁÅ È ÑÓÄÜÁÅ Ì Î ÅÃÎ Í ÀÐÎ ÄÀ

Петербург. Открытие Благовещенского моста 12 ноября 1850 г.
В. Ф. Тимм. 1851 г. Бумага, литография.
© Всероссийский музей А. С. Пушкина.

Скифия
Санкт-Петербург
2018

ББК 84 (2Рос=Рус)

УДК 82-822

С18

Некоммерческое издание

Издан ООО «ИТД «Скифия»» по заказу
Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга

Составитель Е. В. Лукин

С18 Санкт-Петербург в моей судьбе и судьбе моего народа / Сост. Е. В. Лукин. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2018. — 120 с.

В сборник «Санкт-Петербург в моей судьбе и судьбе моего народа», посвященном 315-летию северной столицы России, вошли авторские статьи и художественные произведения российских соотечественников из тринадцати стран мира — Австралии, Германии, Дании, Израиля, Испании, Италии, Кипра, Латвии, Словакии, Украины, Финляндии, Франции и Эстонии. Сборник украсили уникальные фотографии из архивов Историко-мемориального музея «Смольный», Всероссийского музея А. С. Пушкина и Музейно-выставочного центра «РОСФОТО».

ISBN:

На обложке:

Открытие монумента государю императору Петру I в 1782 году.
А. К. Мельников. Бумага, гравюра резцом.

© **Всероссийский музей А. С. Пушкина.**

© Лукин Е. В., составление, 2018

© Коллектив авторов, 2018

© Григорьев Е. Д., предисловие, 2018

© ФГБУК «Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО», изображения, 2018

© СПб ГБУК «Историко-мемориальный музей “Смольный”», изображения, 2018

© Всероссийский музей А. С. Пушкина, изображения, 2018

© Издательско-Торговый Дом «Скифия», оформление, 2018

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия...*

А. С. Пушкин

Дорогие читатели!

Приветствую вас на страницах новой книги «Санкт-Петербург в моей судьбе и судьбе моего народа», объединившей уникальные авторские статьи и художественные произведения зарубежных российских соотечественников.

На протяжении восьми лет Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга реализует этот творческий проект, который является одной из важных составляющих работы Правительства Санкт-Петербурга по реализации государственной политики в отношении соотечественников за рубежом.

Ежегодно Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга предоставляет возможность русскоязычным литераторам из числа представителей русского зарубежья представить свои сочинения широкой публике.

В 2018 году очерки и рассказы посвящены знаменательному событию — 315-летию Санкт-Петербурга.

В истории практически нет примеров, когда волей одного человека был создан город, не только ставший новой столицей страны, но и коренным образом изменивший ее историческое движение. Благодаря энергичной деятельности Петра I и его преемников Санкт-Петербург в течение первого столетия своего существования превратился в мировую столицу.

Сегодня Санкт-Петербург называют Северной столицей России, но он продолжает поддерживать широкие международные связи. В настоящее время 96 зарубежных городов и 30 зарубежных регионов имеют двусторонние документы о сотрудничестве с нашим городом.

Среди российских соотечественников, проживающих за рубежом, немало людей, связанных с Санкт-Петербургом. Кто-то ранее жил на берегах Невы, у кого-то здесь жили предки — отцы, деды, прадеды. С уверенностью могу сказать, что все сохранили особую любовь, симпатию к городу белых ночей — его великолепным гранитным набережным, величественным стройным дворцам, неповторимым памятникам.

Выражаю благодарность всем принявшим участие в подготовке нового литературного сборника, а также нашим писателям-соотечественникам и ведущим музеям Санкт-Петербурга за интерес к нашему проекту.

Евгений ГРИГОРЬЕВ,
председатель Комитета
по внешним связям Санкт-Петербурга

**Анна
ЛЮДВИГ**

(Кельн, Германия)

ПОД ПРИСМОТРОМ АТЛАНТОВ

Я росла под присмотром Атлантов и каменных львов
И, гуляя в обнимку с белесой доверчивой ночью,
За движением невской воды наблюдала воочью.
Эрмитаж был Версалем, Венецией был Петергоф.

Целый мир простирался от Мойки до самой Сенной,
Не томила тоска и не мучила серая скука.
Я не знала тогда, что с нахальной ухмылкой разлука
Притаилась уже за углом, за кирпичной стеной.

Посчастливилось видеть Париж, Лиссабон, Тель-Авив,
Довелось побывать в экзотических ласковых странах,
Но в разводах цветного стекла на далеком Мурано
Постоянно мерещился северный Спас-на-Крови.

И, вернувшись в мой город, с которым когда-то на «ты»,
Поняла, как скучала годами в припадках инсомний...
Он меня не узнал, но потом, очевидно, припомнил
И объятья раскрыл, разведя удивленно мосты...

НА УЛИЦЕ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВА

Ветер капли через листья просеивал,
брил деревья изможденные наголо...
А на улице Петра Алексеева
в темном доме горько девочка плакала.
Говорила, бросив куклу тряпичную:

«Мне приснилось, что в кастрюле с цветочками
пышет каша на столе чечевичная,
в ней — подтаявшее масло комочками!
И казалось — я ужасно везучая,
так хотелось чечевицы немножечко...
Но она была горячая, жгучая
и еще несчастье — не было ложечки!»
«И поэтому ты, доченька, грустная?
Спрячем ложку под подушечку, солнышко...
Если снова каша явится вкусная,
ты очистишь всю кастрюлю до донышка!»

Ветер капли через листья просеивал
и шептал в потемках что-то невнятное.
Спали в доме на Петра Алексеева
мама, девочка и осень блокадная...

* * *

Судьбе-шутнице угодно было столкнуть их снова.
И вот однажды, совсем случайно, свела кривая —
Он шел куда-то пешком от площади Льва Толстого,
Она, замерзнув, на остановке ждала трамвая.

Обоим сразу пришли на память иные зимы,
Когда гуляли вдвоем в обнимку под снегопадом,
Она его называла нежно своим любимым,
Он пел ей песни, носил букеты и звал отрадой.

Какая встреча! И, поздоровавшись неуклюже,
Поговорили о том о сем, о вещах банальных,
Она о детях ему поведала и о муже,
Он рассказал ей, что в институте — большой начальник.

И разбежались, и затерялись в огромном мире,
На город тихо спускались сумерки, и во мраке
Она сидела, глотая слезы, в пустой квартире...
Он — одиноко смолил окурок в своей общаге...

* * *

И вот мы вместе. Примешь пилигрима?
А ты не изменился, как ни странно.
Хотя и притворяешься под гримом
из множества японских ресторанов
и табунов блестящих иномарок,
что стал другим — чужим и хладнокровным,
что любишь деньги...

Блик дворцов и арок
измучен панорамой многословных
реклам для развлечений человечьих —
от водки до прически примадонны.
Где ты набрался эдаких словечек —
«чизкейк» и «севен-ап», «рив гош» и «донат»?
Но, несмотря на вид ларьков-уродцев,
ты все такой же — гордый и строптивый.
Какое, впрочем, дело иноходцу
до мелких мух, запутавшихся в гриве?

Но нет, не проведешь! Под маской липкой
твои глаза блестят. И снова, снова
я узнаю лукавую улыбку
в невероятной легкости Садовой,
в чертах Сенной, в адмиралтейском блеске...
И голос ветра так же мелодичен,
а сфинкс, уснув на набережной невской,
все по-кошачьи ласково мурлычет...

Усевшись на ступеньках по соседству,
я ощущаю — в платьице нарядном
ко мне вприпрыжку подбегает детство
и, время оттолкнув, садится рядом.

С. Петербургъ Зимній дворець со стороны Невы.
St.-Petersbourg Palais d'hiver de la côté de la Neva.

Санкт-Петербург. Зимний дворец со стороны Невы. Фотооткрытка. Нач. XX в.
© СПб ГБУК «Историко-мемориальный музей «Смольный»».

Татьяна ЯКУШЕВА СОРЕНСЕН

(Копенгаген, Дания)

МОЙ ПЕТЕРБУРГ

*Давно бы надо не летать.
Давно бы надо приземлиться.
И эту бывшую столицу
Такой, как есть, воспринимать.*

Символ этого города — крылья. Крылья ангелов, крылья грифонов, крылья мостов. Они очень разные — эти крылья. Крылья бесплотных существ — ангелов, охраняющих, защищающих, поднимающих духовное над физическим.

Крылья грифонов — хранителей золота. Тоже охраняющих, но материальное, прикованных цепями к земле, к материальному миру, в котором мы явлены.

Крылья мостов — они сложены днем, давая жить этому городу, связывая его острова. Они взлетают только ночью. Эти крылья разъединяющие. Они висят над Невой и дают дорогу другой жизни, ночной, дорогу другим путям — водным, не преграждая, но разрешая. Но они разделяют город ночью и живущих на его островах на них людей. Это крылья разделяющие.

Крылья города — благословляющие, материальные и разделяющие. Чтобы жить в этом городе, нужно иметь крылья. Чтобы взлетать над суетой, пустотой, предательством, разрухой, брэнностью.

Я выращивала крылья в этом городе и летала над ним, любя его всей душой, жалея, понимая, принимая безраздельно. Эти полеты таили падения, но, познав чувство полета, хотелось летать опять. А когда крылья окрепли и задул сильно большой ветер перестройки, разрушивший все в этом городе духовное, да и материальное, разрушив ценности, с которыми мы жили — дружбу, любовь, надежность, веру, доверие, сострадание, благодарность, — ценности, без которых человек не может быть человеком — существом, соединяющим в себе духовное и физическое, душу и тело, эти крылья унесли меня далеко от моего родного города. И приземлили в другой стране, стране, которую мы знали потому, что в ней жил величайший сказочник — Г. Х. Андерсен. Стране, где не увидишь крылья на улицах. Здесь не летают, здесь твердо ступают по земле. Но эту землю здесь любят, охраняют, берегут. Ею гордятся. Здесь ухоженные леса и поля, а города — очень чистые, не разрушенные историей, но ее впитавшие. Только привыкнув к ощущению полетов, здесь жить трудно. Материальное царит и подавляет, и приковывает цепями к земле. Здесь хорошо быть грифоном, но не ангелом. Здесь вдруг остро понимаешь, почему эта страна родила Андерсена. Здесь не хватает сказок, романтики, чудес. И он придумал их. И стал символом. Гордостью. Но это не значит, что его понимают и чувствуют. Понимаем, чувствуем и живем в его сказках скорее мы. Он больше наш, чем их. Как ни странно.

Но я ведь хотела рассказать о Питере...

Это город крестов. Они здесь кругом. Парящие в небе и покосившиеся на неухоженных кладбищах. Этот город и сам крест, и судьба у него крестная. Он менял имена. Какой другой город в мире поменял всего за 300 лет существования четыре раза имя, пробыв 200 лет из них столицей. Его недаром называют «город-призрак», «город-фантом». Кресты охраня-

ют его, благословляют. А сколько их сняли, порушив храмы и разрушив души и судьбы. История его — боль и скорбь, но торжественная, облаченная в золоченые декорации куполов, крыльев, крестов, прямых, как струны улиц и проспектов, спокойствием и торжественностью реки, заключенной в гранит, и речек и протоков, превращенных в каналы, и окованных решетками набережных. А свернув с набережных, здесь попадаешь во дворы-колодцы, заброшенные, мрачные, неухоженные. Это город огромных контрастов, и они здесь на каждом шагу, не давая душе успокоится и отдохнуть. Именно поэтому, мне думается, ему посвящено так много стихов, как мне кажется, ни одному городу в этом мире.

И я не исключение. Писать стихи меня научил мой город, вручив крылья и научив душу взлетать над суетой, восхищаться и сострадать.. Жаль, что теперь эти крылья слишком редко заносят меня сюда.

И Спас застыл над водами канала,
А рядом шумный Невский в суете.
Там все не то и все совсем не те,
И только здесь эпоха устояла.

Эпоха словно чудом замерла,
И строго отражаются в каналах
Дома, хотя и в их просторных залах
Ох, как давно не блещут зеркала.

И лишь старинные фасады
Напоминают о былом.
Литых решеток медленный излом
Зовет нас в тишь Михайловского сада.

Того, увы, запущенного сада,
Где отлучает нас от суеты
И лечит от духовной пустоты
Гирляндами увитая ограда.

Ленинград. Невский проспект. Фотооткрытка. Пер. пол. XX в.
© СПб ГБУК «Историко-мемориальный музей «Смольный»».

Светлана СЕВИЛЬ

(Франция)

МЫ БУДЕМ ЖИТЬ!

Полифония блокадного Ленинграда.
Памяти Тани Савичевой

*Я не геройствовала, а жила...
О да, мы счастье страшное открыли —
Достойно не воспетое пока,
когда последней коркою делились...*

Ольга Берггольц

*Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые.*

Владимир Высоцкий

Неровный свет свечи едва мерцает
В блокадном холоде покинутых домов,
Сквозь сумрак ночи блекло освещает
Скупую горечь наболевших детских слов.

Худой, замерзший маленький комочек,
Оставшийся на произвол судьбы,
Сквозь годы силою бессмертных страшных строчек
Нам память завещал своей борьбы.

Борьбы за жизнь — свою и Ленинграда,
За водворенье мира и тепла
В блокадном городе, где лучшая награда —
Семейный ужин вокруг обильного стола...

«Ушли из жизни дядя Леша, Лека —
На букву *Эль* их надо записать.

Брат Миша — этот в армии, далеко,
Не пишет... Как же нам его искать?

На букву *Же* я Женю записала —
Под Новый год сестренка умерла:
Трудилась на заводе, кровь сдавала
Для раненых... Себя не сберегла.

Сестра вторая не пришла с работы:
Возможно ли ее найти? Спасти?
Жива ли ты, откликнись, Нина, что ты?
Теперь тебя мне в книжку занести?

Потом не стало бабушки. Для внуков
Она еду старалась приберечь...
Листочки тают... Сколько будет букв
Еще?

Вот *Вэ* — о дяде Васе речь:
В апреле умер он.

Тринадцатого мая...
Как трудно выводить мне букву *эм*...
Ушла из жизни... Самая родная...
Но карандаш меня не слушает совсем!

Вокруг все умерли!..

Осталась

только

Таня...»

Прискорбные, ужасные слова.
«Но город жив, покуда я жива!»

— ...Но смерти нет, пока любви не гаснет пламя!

— В блокадной жизни есть надежды сладость:
Друг с другом делим мы работу, хлеб, тепло,
Трагедию потерь и писем радость
С Большой земли, которой повезло.

— Любовь нельзя убить, нельзя изгнать,
И наши павшие стоят за нами.

«С мольбой я обращаюсь к милой маме:
Поддай мне сил, чтобы душой воспрять!»

— Нам нужно жить, мечтая о тебе,
Великая, далекая Победа.

— Мы жить должны назло лихой судьбе,
Во имя памяти отца и деда.

«Пока перо держать в руке смогу,
Я — как боец, служу своей Отчизне:
Я буду жить — наперекор врагу» —
МЫ будем жить

и радоваться

жизни!

Сцена Посольства России во Франции. Концерт, посвященный празднованию 9 мая (2017 год). Инсценировка «Мы будем жить!», роли исполняют ученики русского языкового центра «Прелюдия».

Влада БАРОНЕЦ

(Барселона, Испания)

БОМ

Город в кольце глухом.
Шпиль занесен, как кол.
В сердце реки укол.
Звон тишины — по ком?

Жизнь в животе комком,
Судорожным глотком,
Жалким, как ложь, пайком.
Тают тела тайком.

В зале полупустом
Ходят уже с трудом,
Ставят сервиз на стол,
Точно рассудку «стой».

Голыми после бомб
Внутренностями дом.
Мальчик с прозрачным лбом
К ночи покрылся льдом.
О мертвом и о живом
Бом, бом, бом.

Игорь БЕЛКИН

(Таллин, Эстония)

БЛОКАДНОЕ

У памятника молча постою
перед великим подвигом ВЕЛИКИХ,
застывших навсегда в немом строю,
и к пьедесталу положу гвоздики.

Благоговейно!..
С жалостью ко всем,
не отраженным на Доске почета,
не утвержденным строками поэм
сердечно, без фальшивой позолоты.

На Пискаревском ныне тишина,
нет на снегу следов от детских санок,
спокойно клены сыплют семена
на скорбные надгробья ветеранов.

А Ленинград шумлив и деловит...
Огнями полыхнув до горизонта,
он одаряет искрами любви
от голода погибших, не на фронте.

Саднит душа...

Не временная боль,
а нечто угнездившееся ране,
скрипучее, чем в длани канифоль,
острее, чем на бриллианте грани.

У памятника молча постою,
пройдуь аллеей до гранитной стелы,
там павшие за городом в бою
уходят в Вечность по пороше белой.

* * *

Когда тонули в Ладоге трехтонки,
а лед крошился от взрывной волны,
я довоенной выпечки ребенком
жил вдалеке в объятьях тишины.

Там «юнкеры» над городом, там вдовы,
здесь тоже вдовы и локомобиль,
здесь триер, захлебнувшийся половой,
и вековечна на дорогах пыль.

От голода там погибали сотни,
здесь у детей просящие глаза,
живые, не на мертвенных полотнах,
рисованных лет тысячу назад...

В муку ржаную мама добавляла
соцветия созревшей лебеды,
с ней тесто поднималось очень вяло,
а хлеб был жестче, чем табачный дым.

Но я готов был им делиться с теми,
кто не сумел покинуть Ленинград,
впявшись телом в памятное время,
лишенное и хлеба, и наград...

Б. Кудояров. Блокадный Ленинград 1941 г. Печать 1970-е гг.
© Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО» (РОСФОТО).

Наталья ПЕЙСОНЕН

(Рим, Италия)

872 ДНЯ

— Мама, куда мы идем по льду?
Страшно и жутко, что все молчат.
Я не могу, но еще иду.
Небо разорвано. Ленинград.
— Холодно, мама. — Терпи, солдат,
сдаться нельзя, можно только жить.
24-го умер брат,
первого рухнули этажи.
Папа из мебели сделал гроб,
все что осталось — потом сожгли.
Мама брата целует в лоб
и повторяет, что нужно жить.
Самое важное слово — хлеб,
вслух же нельзя ни за что — молчи.
В ночь на четвертое умер дед.
Бабушка плачет. Потом кричит.
Вовка соседский ушел на фронт,
мама сказала, что это зря:
после никто уже не придет.
Мы дотянули до января.
Папа где-то достал дрожжей,
варим в кастрюле — на вкус как суп.
Мама тихо твердит: «Боже,
пусть когда-нибудь нас спасут...»

Никита РЫЖИХ

(Запорожье, Украина)

БЛОК АДА

Блок Ада. Восемь. Семь. И два.
И день за днем, и ночь за ночью
Царит лишь тьма, летят года,
Страх вьется камписом воочью.

Земля трясется, кровь течет
Ручьями рьяными по снегу.
Нелеп и страшен жертв подсчет,
Вывозит смерть свою телегу...

Прошли года. И Ленинград
Стоит могуч и при параде.
Но не забыть нам никогда
Блок зла, блок тьмы, блок ада!

Леонид ЯКОВЛЕВ

(Херракунта, Финляндия)

ВЗДОХ

мы не родившись умерли
мы были
в пейзаже века
больше нет
избыты
в действительности
будущей и прошлой
свеча мерцает
отголосок казней
конец пути
что так и не родился
потомки жертв бессмысленного зла
несуществующие в нашем
пространстве времени
и нам уже неважно
но ощутите пустоту вокруг
пытаясь в очереди хлебной
встать за тенью
за миллионами теней
любая улица
музей

ушедших
уведенных смертью
блокады
катастрофы
геноцида
планета памяти
напоминанье
без срока давности

Евгений МИНИН

(Иерусалим, Израиль)

БЛОКАДА

Горька костров последних гарь.
Лютует голод.
Ноги — гири.
Седая женщина, к могиле
склонясь, кладет ржаной сухарь.
Глаза оттерла и как тень
блокадной тишины застыла —
а той осьмушки не хватило
в тот страшный день...
Проклятый день...

КАНАЛ ГРИБОЕДОВА

Прошли сериалы любви.
Меняются в мире реалии.
Идут на каналах TV
кровавые вакханалии.
Увидеть счастливый финал —
что воду найти на Юпитере.
Но самый любимый канал —
канал Грибоедова.
В Питере.

Елена ИГНАТОВА

(Иерусалим, Израиль)

МЕДНОГУБАЯ МУЗЫКА ОСЕНИ

Медногубая музыка осени. Бас-геликон
кружит медленным небом. И колеблем, осыпан листвою,
проплывает военный оркестр в мокром воздухе по-над землю,
чуть повыше дождя занесен, накренен.
Скажет музыка: «О-о-о...» — и отступит фонтанов вода.
Так застыли тритоны, что губы у них леденеют —
не сомкнуть, не ответить оркестру. Он медленно реет,
медью призрачной греет... Дрожит за плечами слюда.
Что ж, российский Версаль? Нам достались из той стороны
этот парк щегольской да надрывное слово «блокада»,
и не кроны деревьев — голодные ребра войны,
не золоты арфы, а песня смертей и надсада.
Сеет дождик... и плачу. И с криком летит «метеор»
вдоль оставленных парков. Угрюмо спешат экскурсанты
мимо братской могилы фонтанов, каскадов, озер,
мимо музыки — вниз головой — растворенных дождем оркестрантов.

* * *

Блокада. Простуда. Поленьев отрада.
Не надо о будущем думать, не надо.
Два сломанных стула. Два томика Блока.
И мирное время далеко-далеко.
Блокада и стужа навеки вдвоем.
Блокада — и черный оконный проем.
Ты выживешь духом, ты телом умрешь,
Ты станешь на каменный город похож,
Пройдешь по цветущим садам Ленинграда —
Здесь брат похоронен. Блокада, блокада.
По-прежнему воздух весной леденит,
По-прежнему памятник в парке зарыт.

* * *

Как я тоскую по архитектуре житъя
послевоенного — под виноградной бетонною гроздью,
где, как зверок на ладони, пригrelась семья,
воздух тайком добывая на черном морозе.
По лихорадящей родине, вынесшей ад,
кровью налит ее сумрак и гноем рассветы,
и перекличка: «убит... виноват... виноват...»
и запекаются губы стыдом и ответом.

Господи, нас разметало, как мертвый сорняк,
взрывом отбросило, ядом смертей опоило,
из глубины униженья спрошу Тебя так:
— Господи Боже мой, что с моей родиной было?
Что, обернувшись, увижу? Окоп и бетон,
парка Победы цветы, черепа и колосья,
голос о маме, о брате, платке голубом
под виноградной бетонною гроздью.

Неизвестный автор. Демонстрация на Дворцовой площади 15 ноября 1945 г.
© Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО» (РОСФОТО).

Надежда СОЛДАТОВА

(Словакия)

ОДИН ГОРОД — ОДНА ЛЮБОВЬ

Мой роман с городом на Неве начался еще в школе. Раньше выходные в культурной столице были каждое лето, но потом в моей жизни случилась эмиграция, и Питер остался только в памяти смутными очертаниями разведенных мостов. Теперь же после пятилетней разлуки мне предстояло провести в любимом городе целых шесть дней на форуме «Русское зарубежье». Всего сто сорок четыре часа, чтобы собрать и увезти с собой переполненный рюкзак воспоминаний. У меня эта поездка прошла под кодовым названием «Петербург: вид сверху», город раскрылся со всех ракурсов, начиная с крыш и заканчивая панорамным видом из «Скай Бара» в «Азимуте».

Мое путешествие началось с колоннады Исаакиевского собора: всего 262 ступеньки — и передо мной открылся один из лучших видов на город: степенно блистающая Нева, бесконечные крыши дворцов, площади, парки, мосты.

На следующий день я получила одно из самых ярких впечатлений за эту поездку: увидела офис «ВКонтакте» изнутри. Крупнейшая российская социальная сеть находится в самом притягательном здании Петербурга — доме компании «Зингер». Офис очень европейский: везде кресла-мешки, стена с автографами, граффити от «Лампас Покрас». Но когда попа-

даешь в переговорную комнату, замираешь от восхищения: это один в один камера пыток из средневекового замка. Над столом висит решетка с металлическими шипами, которая, кажется, вот-вот проткнет нерадивого сотрудника, к решетке у стены прикован скелет, а напротив установлен стул ведьмы. Чем выше, тем интереснее: мы проходим через кухню-гостиную, откуда ведутся трансляции, сталкиваемся с каким-то именитым аргентинским футболистом и, наконец, попадаем в святая святых — башню-купол. Напротив, величественно обнимая посетителей, раскинулись колоннады Казанского собора. Сбоку перемигиваются разноцветные купола Спаса-на-Крови, под ногами бурлит Невский.

Решение посетить знаменитые питерские крыши было принято, что называется, здесь и сейчас. Тот вечер я планировала провести переходя из одного музея в другой. Билет на «Ночь в музее» был куплен еще утром, на карте был нарисован маршрут по самым интересным местам, но вместо этого я в три клика нашла гида, и у меня было ровно двадцать минут, чтобы добежать от Михайловского замка до Маяковской. Снова ступеньки, сбившийся пульс, горящие от предвкушения глаза. Мы пролезаем через небольшое чердачное окно, я с трудом стою на скользком металле крыши, а внизу шумной пятничной рекой бежит Невский. Крыша — лучшее место, чтобы прочувствовать Петербург: расположившись на самом краю, можно услышать гул толпы и гудки спешащих машин, увидеть бесконечное количество ресторанчиков на верхних этажах зданий, заглянуть в чужие окна и попытаться представить: каково это, жить в Питере? Спустя два дня я уже встречала закат с крыши здания у Дворцового моста. Это определенно лучший вид на город, кажется, протяни руку и собьешь горгулью с Исаакиевского или уколешься о шпиль Адмиралтейства.

Пока одни ожесточенно спорят, какой город считать самым красивым: Рим или Париж, другие никак не могут решить, можно ли назвать Париж самым романтическим городом или отдать это звание Венеции. Но мы-то с вами знаем, что все эти титулы принадлежат Петербургу, от дворов-колодцев до тонкой макушки Адмиралтейства.

«Пушкин на набережной Невы».
Денисовский Н. Ф. (1901–1981), 1949, холст, масло.
© **Всероссийский музей А. С. Пушкина.**

Татьяна МАРТЫНОВА

(Одесса, Украина)

НЕВА

Разведены мосты. У Лейтенанта Шмидта
вода под кисеей и поволокой сна.
Ей снится не буксир, не старое корыто,
что двигается вспять, но долгая весна.
И долгими ей кажутся затишья,
блуждание впотьмах и вглядывание ввысь,
и мгла по сторонам, и все сдается лишней,
унылой, как повтор, заученная мысль...
И город снится ей, никак не отпускает.
Навстречу ей идет, как холод в рукава,
дворцы и острова, и свалка заводская,
за крепостью пустырь и церковь Покрова.
Он кажется теперь составом удлинненным,
пройдет, и нет причин стоять остолбенев,
и некуда идти в пространстве отчужденном,
где даже сон чужим покажется во сне.
Перебирает прежнее богатство:
пластинки льда, щепу и радужный тавот
и стоков городских оглядывает братство
смертельное, и вдаль безжизненно течет.

* * *

Но готовую речь я опять промолчу,
лишь сюжет в голове прокручу.
Посмотрю, как летит надо мною сентябрь,
и, наверное, жить захочу.
Будет крошечный день говорить мне о том,
что друзья равнодушны и нет
утешенья в занятях, но этим трудом
проживу еще несколько лет.
Еще несколько лет, где одной из примет
букваря-сентября прямота,
расходящийся в стороны солнечный свет
за спиной у Тучкова моста...
Этот воздух сухой, сумасшедший покой,
полудневный, дрожащий, смешной...
Разреши я поправлю своею рукой
прядь со лба, не крути головой...

* * *

За каналом Грибоедова,
за Кокушкиным мостом,
не катаются каретами,
а валяются пластом.
Мылом, дегтем пахнут улицы,
а Сенная масло жмет.
Человек приличный сунется,
и не выдержит, уйдет.
Душно здесь и небо низкое,
словно падает в провал,
головой в Екатерининский,
Грибоедовский канал.
Где-то там стучат колесики,
заливаются гудки,
часто-часто, как вопросыки,
повторяются звонки.
И огромный круг не справится,
чуть подвинутся зубцы,
стрелки в новый час уставятся,
перекрестятся жилыцы.

* * *

Саше

Морская столица, как темный паром
Уйдет от причала под пушечный гром.
Оставшись, не плачь.
Слезы не добавить к развершимся безднам —
не вглядывайся в этот полдень воскресный,
не надо, не плачь.
Она уже столько оставила, скрывшись,
войдя в непроглядную тьму, иль забывшись
среди белого дня,
что даже не помнит, о чем ты, старея,
все плачешь, — что годы проходят скорее
декабрьского дня?
Не плачь, угнетает тяжелая верность.
Твой город уходит, отсюда — в безмерность...
Плывет ли? Бог весть.
Не плачь, успокоить должно бы признание
(тебя успокоить, больное сознание?) —
Он — где-то, Он — есть.
Не плачь, тебе кажется, что не играешь.
Ты — в этой трагедии роль выбираешь,
и больше нигде.
С тобою останутся мертвые глыбы,
с тобою пойдут пучеглазые рыбы,
чтоб тоже исчезнуть в блестящем прогибе,
в слоистой воде.

* * *

Тучкова набережная лежит в снегу,
старый порт не принимает барки, —
останавливается снег на берегу —
и глядит на сцепленные арки.

У таможи беспошлинно снег идет,
ускоряет шаг, торопясь невольно:
вот за ним побегут, спохватясь, вот-вот...
Но навстречу — мост. И бежать довольно.

Шагом дальше. Теряют следы его
нерешительность, минутную робость, —
и река чернеет от прибавления вод,
береговую линию превращая в лопасть.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Николаевскій мостъ. Общій видъ города
ST-PETERSBOURG. Le Pont Nicolas. Vue générale prise

Санкт-Петербург. Николаевский мост.
Общий вид города. Фотооткрытка. Нач. XX в.
© СПб ГБУК «Историко-мемориальный музей «Смольный»».

Зинаида ЛИНДЕН

(Турку, Финляндия)

ЛЮБОВЬ К ТРЕМ АПЕЛЬСИНАМ

В. М. Гаршину

Было это в феврале тысяча девятьсот восемьдесят третьего года. В Ленинграде стояла сырая беснежная зима. Через запотевшие окна троллейбусов город виделся расплывчатым и безликим. Лед на тротуарах был покрыт водой. Прохожие в тяжелых драповых пальто и шубах скользили, падали, поднимались и шли дальше.

В один из таких дней я тоже поскользнулась и упала, но подниматься не спешила. Месяца два тому назад я твердо решила покончить с собой. Теперь я искала возможность осуществить задуманное. На левом запястье у меня была повязка после попытки вскрыть вену. Вскоре после Нового года я наглоталась транквилизаторов, и мама мне сделала промывание желудка.

Какой-то военный, испуганно матерясь, вытащил меня из-под колес надвигающегося троллейбуса. Я стояла, шатаюсь, на площади Труда. Руки мне оттягивали набрякшие от влаги шерстяные варежки. Повязка на левом запястье тоже промокла. Вокруг меня толпились на остановке незнакомые люди с

портфелями и сумками. Никто из них не подозревал, что пару минут назад у них на глазах была совершена попытка самоубийства. Иначе бы они позвонили куда следует.

Волей-неволей мне пришлось продолжить свое путешествие. Ехала я к врачу, который работал в психиатрической клинике номер два на Пряжке. За солидную плату он взялся амбулаторно лечить мою депрессию, происходившую от лениности ума, слабости характера и неуважительного отношения к родителям. Соглашаясь меня курировать, врач совершал преступление. По закону, узнав о наличии у пациента суицидальных мыслей, он обязан был позвонить куда следует. Пациента забирали в клинику, накачивали лекарствами, а затем выписывали под надзор медицинских властей. Надзор исключал какую-либо серьезную карьеру в будущем: поступление в университет на престижную специальность, возможность работать с иностранцами.

Я уже была студенткой университета. Я изучала иностранные языки. Поэтому мои родители договорились о частном лечении. Они хотели спасти мою будущность.

В феврале восемьдесят третьего я с трудом изъяснялась не только на иностранных языках, но даже на своем родном. Чуть не завалила зимнюю сессию, потеряла кошелек со стипендией. По утрам едва заставляла себя вставать с постели. Перестала краситься, укладывать волосы, чистить зубы.

Что со мной стряслось? Точно не помню. Не помню, с чего все началось. Меня, правда, оставил мой первый возлюбленный. Сообщил внезапно, что «уже не свободен». Что это означало, я так и не узнала. В одном я была убеждена: меня никогда больше никто не полюбит. Тем более, что он часто повторял мне: «Кому ты нужна?».

Несчастливая любовь стала моей официальной версией происходящего, моим алиби. Медсестра, зашивавшая мне вену, не позвонила куда следует из женской солидарности.

— Все мужики сволочи! — тараторила она, ловко вводя мне под кожу анестетик. — Но так ты ему ничего не докажешь. Он только подумает: «На что мне эта истеричка?».

По большому счету, история с моим молодым человеком была пустяком. На самом деле я решила покончить с собой, осознав, что во мне и именно во мне сосредоточено все зло мира. Не было на свете человека более вредного, эгоистичного, никчемного, чем я. Из-за меня родители ссорились и собирались разводиться. Из-за меня мама поседела и осунулась. Из-за меня в доме стало невозможно жить. Поэтому папа переехал от мамы к другой женщине.

Про то, что человечество необходимо избавить от такой напасти, как я, в беседах с врачом на Пряжке я все же помалкивала. Инстинкт самосохранения у меня не совсем атрофировался, хотя мне и не хотелось в тот февральский день вставать с проезжей части при виде троллейбуса. Услышав, что во мне сосредоточено зло мира, почтенный эскулап наверняка бы умыл руки и сдал меня в психушку. А это было хуже смерти.

В клинику на Пряжке я добиралась пешком от Мариинского театра и Консерватории. Мимо меня по улице Декабристов спешили музыканты, прижимая к себе футляры с инструментами. Вид их ясно показывал: мне не место на этой Земле. Я никогда не получу никакой профессии. Тем более творческой. В лучшем случае могу рассчитывать на работу гардеробщицы или туалетчицы. Странно, что я с отличием окончила школу и даже поступила в университет.

— К доктору Виленскому, на консультацию, — сказала я в проходной. Страж юдоли скорби окинул меня недовольным

взором, набрал номер внутреннего телефона и, услышав ответ, буркнул:

— Второй этаж. Кабинет у лестницы.

Это я знала и без него. После двух-трех консультаций я могла найти дорогу к кабинету с закрытыми глазами. Поднявшись на второй этаж по старинным стертým ступеням, я села на скамейку и стала ждать.

Ждать мне всегда приходилось долго. Порой я просиживала в коридоре часа два, прежде чем доктор Виленский гостеприимным жестом распахивал дверь и одаривал меня своей острой, пронизательной психиатрической улыбкой.

Несмотря на предстоящие томительные часы, я не взяла с собой ничего почитать. Книги давно перестали меня интересовать. Одну и ту же фразу я перечитывала несколько раз, но смысла не понимала. Самый факт существования книг вызывал во мне чувство вины. Книги писали добросовестные, честные люди. Прозаики, филологи, историки. Книги являлись свидетельством их профессионализма. В книгах превозносилось добро и каралось зло. То самое зло, которое я намеревалась покарать в себе.

Единственным моим чтением в часы ожидания была мемориальная доска, укрепленная напротив двери кабинета. Содержание этих надписей я понимала на удивление хорошо. Я даже знала его наизусть, но все равно вглядывалась в раззолоченные строки на мраморе.

В них сообщалось, что психиатрическая больница номер два — старейшая в городе. Здание было построено в 1832–36 гг. по проекту архитектора Шарлеманя. В центре здания находилась церковь Николая Чудотворца, которая, впрочем, была закрыта. Роспись в ней исполнил Дж. Бернаскони, рельефы — В. И. Демут-Малиновский. До революции здесь помещался Смирительный дом, затем тюрьма, а потом лечебница для душевнобольных.

Последняя фраза была обращена лично ко мне. Душевно-больной я не являлась. У меня не было ни галлюцинаций, ни бреда. Душевнобольные не несут ответственности ни за себя, ни за других. Я ответственность ощущала каждой клеточкой своего организма. Таких, как я, тунеядцев и эгоистов, рано или поздно сажают в тюрьму. Или отправляют в Смирительный дом.

Доктор Виленский знал, как обстоит дело. Из уважения к моим родителям он не говорил об этом. Но он, конечно, понимал, что таких, как я, нужно не лечить, а карать. Иначе зачем было заставлять меня просиживать долгие часы в коридоре?

Доктор Виленский работал в закрытом мужском отделении больницы. Вместо медсестер здесь были дюжие фельдшеры. Редкие женщины, которые тут попадались, были посетительницами.

В открытую дверь одной из палат я каждый раз наблюдала такую женщину. Сидя спиной ко мне, она безмолвно дежурила у постели темноволосого, очень полного человека, который что-то поедал из серой металлической миски. Алюминиевая ложка двигалась от миски ко рту будто в замедленном кино. Сердце замирало у меня в груди. Глаза не могли оторваться от ничего не выражающего лица больного. Секунды тикали, перетекая в вечность. Когда дверь наконец закрывалась, страшное видение продолжало стоять перед моим взором.

Порой мимо меня, с трудом передвигая ноги, брел кто-то из лечебно-трудового профилактория. Таких больных я боялась больше всего. Во-первых, пациент из трудовой мастерской ходил по клинике без сопровождения и мог в любой момент обратиться ко мне, а то и дотронуться до меня. Во-вторых, он нередко тащил с собой какой-либо тяжелый предмет: метлу, доску, металлическую трубу.

Завидев фигуру в темно-синем халате, я опускала голову, вперяла глаза в пол и оставалась в таком положении, пока шаркающие шаги не удалялись. Потом я осторожно поднимала глаза. Передо мной вновь возникали золотые буквы: «Построено в 1832–36 гг. по проекту архитектора Шарлеманя».

* * *

После предыдущей консультации доктор Виленский порекомендовал маме сходить со мной в театр, чтобы отвлечь меня от мрачных мыслей. Например, в Театр музыкальной комедии.

Это указание мама восприняла по-своему. За пару недель до того, осознав, что я потеряла способность усваивать содержание прочитанного, она стала требовать от меня пересказа прочитанных текстов. Когда мне было восемь лет, мама таким образом развивала у меня речевые навыки.

Итак, мама купила билеты в театр. Избегая смотреть в зеркало, я кое-как привела себя в порядок и даже, по настоянию мамы, побрызгалась духами «Miss Dior», которые подарил мне вероломный возлюбленный. Билеты были в кукольный театр, на спектакль для детей младшего возраста. Я же была девятнадцатилетней, вполне созревшей дылдой.

— Если у тебя наступил полный регресс, лучше начать с простых вещей, — пояснила мама.

Пьеса называлась «Любовь к трем апельсинам». Название звучало знакомо, но где именно я его слышала, я припомнить не могла.

— Знаменитая сказка Карло Гоцци! — напомнила мама сдержанно-стойческим тоном. — Возьми программку. Потом мне перескажешь, о чем была пьеса.

В зрительном зале я сидела на крохотном детском стульчике, возвышаясь над всеми присутствующими. По просьбе какого-то папаши мама пересела от меня в другую часть зала, чтобы его отпрыски могли видеть, что происходит на сцене.

Происходило там много чего. Основное действие пьесы сопровождалось и прерывалось параллельным. Персонажи пролога, комики и трагики, вмешивались в события, комментировали их, помогая попавшим в беду героям. Зрители тоже комментировали действие, шуршали конфетными фантиками, топали ногами в сапожках и валенках, радостно толкались и пихались. Таким образом, вскоре после пролога в зрительном зале был достигнут всеобщий необратимый хаос. Обливаясь холодным потом, я осознала, что пересказать содержание пьесы «Любовь к трем апельсинам», предназначенной для детей младшего возраста, я не в состоянии.

Впрочем, герои сказки вызвали у меня массу мыслей. Речь в ней шла о сыне короля, который впал в тоску. Похоже, он даже хотел покончить с собой. В нашей реальности принца бы изолировали в больнице и закололи лекарствами до беспомощности. В сказке было по-другому. Вылечить принца могли только доброта и смех. Шут из народа, Труффальдино, призван был помочь больному.

После этого начиналась неразбериха. Появлялись какие-то недоброжелатели, злая фея по непонятной причине проклинала принца, в результате чего он заболел любовью к трем апельсинам — склонностью, которую сочли бы странной даже в самом сексуально раскрепощенном обществе. Наконец, принцу и Труффальдино удавалось похитить три апельсина. В одном из них, к моему облегчению, оказывалась девушка. Недоброжелатели тут же превращали ее в крысу. Что находилось в других двух апельсинах, оставалось неясным. Зрителей это не смуща-

ло. Одна лишь я была в замешательстве. Как был достигнут хеппи-энд, я не поняла.

Сидя с мамой в кафе, я силилась пересказать содержание сказки. Мама в отчаянии тыкала пальцем в программку:

— Вот список главных героев! Кто такие Клариче и Леандр?

— Недоброжелатели, — сдавленно отвечала я.

— Это и ежу ясно! Возьми себя в руки! Чего они добивались своими интригами? К чему стремились?

— Не знаю.

— Как — не знаешь? Не прикидывайся!

— По-моему, Клариче хотела выйти замуж за принца.

Мама вцепилась мне в руку острыми наманикюренными ногтями.

— Клариче... — шипела она, придвигаясь ко мне, — Клариче с Леандром хотели свергнуть короля и занять престол! Господи, что мне делать? Каждое утро просыпаюсь и надеюсь, что сегодня ты наконец придешь в себя! А ты... ты скоро станешь на четвереньки, будешь мычать и есть кал, как те, кто сидит в психушке! У, корова! Несчастливая я мать! Зачем я тебя родила на свет!

Посетители кафе неприязненно оглядывались. Они явно сочувствовали худощавой, подтянутой женщине в костюме и белом воротничке, которая была вынуждена нянчиться с великовозрастной девицей в мешковатых джинсах. На руке у меня выступила кровь, но боли я не ощущала.

— Издеваешься! — кричала мама, не обращая внимания на окружающих. — Добьешься — мы тебя сдадим в больницу! Я доктору Виленскому все расскажу!

Сидя в больничном коридоре в тот бесснежный зимний день, я вспоминала мамины слова. Особенностью моего со-

стояния было то, что я не могла плакать. Мне не было жаль себя. Не было мне жаль и своих родителей. Жалела я лишь о том, что мама не может меня заново родить на свет — доброй, отзывчивой, талантливой. Еще я жалела, что трусливый инстинкт самосохранения мешает мне прервать мое никому не нужное и попросту вредное существование.

«Сейчас распахнется дверь и выйдет доктор Виленский, — думала я. — Он поймет, что лекарства, которые он мне назначил, никакого воздействия не имеют. Он попросит меня пересказать содержание спектакля «Любовь к трем апельсинам», а я не смогу этого сделать. И тогда...»

Почему-то мне представлялось, что меня поместят именно сюда, в мужское отделение. В женском я никогда не бывала. Я даже не знала, существует ли оно. Вспомнилось, что в этой клинике лежал мой одноклассник Витька Калинин. В отличие от меня он сам сюда стремился. В закрытое мужское отделение. Он очень не хотел служить в армии. Изворотливый, будто шут Труффальдино, он разыгрывал перед медиками то ли острый психоз, то ли шизофрению. Закончилась это печально. Витькины попытки выбрасывать медикаменты в унитаз привели к тому, что ему стали колоть их внутривенно. Те, кто видел Витьку после больницы, рассказывали, что он изменился до неузнаваемости.

Никто из моих подруг не знал, что я посещаю больницу на Пряжке. Еще до Нового года им надоело мое странное настроение, и они перестали звать меня с собой на дискотеку или в кино.

Как-то после лекции по марксизму-ленинизму, в течение которой я мучительно обдумывала различные способы свести счеты с жизнью, я принялась объяснять одной из моих подруг, Юльке, что я испорченный, бесчувственный человек и что от этого все проблемы.

— Кто говорит, что ты плохая? Родители? — спросила Юля деловым тоном.

— Ну-у... я и сама об этом знаю.

— И давно знаешь?

— Всегда знала. Просто много лет мне удавалось это скрывать, притворяться.

— В том числе те два года, что мы с тобой знакомы?

Я вяло пожала плечами.

— Ты вот что, брось такие мысли, — сказала Юля. — Извини, но мне кажется, у вас дома что-то не так. Может, тебе временно пожить у каких-нибудь родственников?

— У меня больше нет родственников, — объяснила я.

— Жаль. Я бы тебя пригласила к себе, но ты ведь знаешь, мы с мамой живем в одной комнате...

Юля вздохнула.

— Мне мама тоже говорит, что я испорченная, — продолжила она. — Недавно, когда я с танцев домой явилась, закатила мне пощечину. Орала, что от меня несет табаком и перегаром.

— Оно и верно было! — прибавила Юлька со смехом.

— Ты молодец: не куришь, не пьешь, — сказала она, снимая длинный светлый волос с моего черного свитера. — Отчего твои на тебя бочку катят?

— Они не катят. Они мне помочь хотят.

Наш разговор состоялся вскоре после того, как мама впервые заставила меня пересказать ей содержание какой-то книги. Папа, хоть и общался с нами только по телефону, тоже помогал мне, чем мог. Он оплачивал мое лечение. Несмотря на назревавший развод, родители выступали единым фронтом во всем, что касалось меня. С медицинской точки зрения мои нелегальные визиты на Пряжку были бессмысленны. Однако мама, потеряв надежду повлиять на меня домашними методами, верила в благотворное действие психотропных препаратов.

* * *

В плохо освещенном, холодном коридоре было пусто и серо. Так же было у меня на душе. Кто-то поднимался по старинной лестнице с чугунными перилами. Я прислушалась. Судя по шагам, это был пациент лечебно-трудового профилактория.

С сильным сердцебиением мне удалось справиться, крепко сжав руки перед собой. Уставившись в пожелтевший от времени, будто покрытый синяками, каменный пол, я молила кого-то неведомого об одном: только бы не остаться с глазу на глаз с тем, кто сюда направляется, переводя дух то на одной, то на другой ступени лестницы.

Никто не внял моей молитве. Шаги неумолимо приближались. Внезапно они стихли. Глаз я не открыла, но знала, что человек в темно-синем халате остановился прямо передо мной.

— Ым? — промычал он, как мне показалось, озадаченно.

От мужчины исходила вонь немывтых подмышек, к которой примешивался слабый цитрусовый запах. Обмирая от ужаса, я чуть приоткрыла глаза.

Я увидела ноги в грубых черных ботинках, без носков. По-видимому, их обладатель был невысокого роста. Большое темное ведро, которое он держал, находилось почти на уровне пола. В этом ведре наверняка был уголь, или какие-нибудь нечистоты, или...

— Ым! — снова раздалось над моей головой.

На этот раз тон был настойчивым. Чего хочет от меня этот страшный человек? Почему не уходит восвояси? Тяжелое ведро со стуком опустилось на каменный пол рядом с голыми, красноватыми ногами в ботинках. Я вскочила.

— Что вам нужно? Оставьте меня в покое... пожалуйста!

Мой жалкий крик разнесся эхом по коридору. Дверь в кабинет доктора Виленского распахнулась. Я была спасена.

— Герасимов, ты что тут делаешь? — спросил врач. — Тебя сюда послали?

— Ым! — радостно ответил Герасимов. Это был неказистый рыжеволосый мужичок с глазами болотного цвета. На вид ему было лет тридцать с небольшим. Ласково мыча, он указывал на ведро, в котором виднелись ярко-оранжевые апельсины.

— Ах, вот оно что. Ты сегодня на нашем этаже десерт раздаешь, — добродушно загудел доктор. — Ну и иди раздавать. Не докучай посетительнице.

Герасимов обижено замотал головой. Не без усилия нагнувшись, он вытащил из ведра апельсин и протянул мне с торжественным видом.

— Угостить хочешь? Да ведь тебе самому тогда не достанется! — засмеялся доктор. — Апельсины по одному на брата. Сам знаешь.

Больной продолжал стоять передо мной с апельсином в руке. Постепенно до него дошло, что он делает что-то не так. Он придиричиво осмотрел содержимое ведра, вытащил оттуда другой апельсин, потом третий. Их он по очереди протягивал мне.

— Они все одинаковые! — снисходительно заметил доктор. — Иди, Герасимов. Тебя ребята ждут. Ребята! Ну?

Мягким, но властным движением он взял накачанного медикаментами Герасимова за плечи, развернул его на девяносто градусов и придал ему небольшое ускорение. Потом любезно придержал передо мной дверь.

— Прошу вас, проходите!

Из глубины кабинета навстречу мне шагнула светловолосая, тонкогубая, бледная девчонка лет пятнадцати. От неожиданности я попятилась, не зная, что сказать.

— Снимайте куртку, садитесь! — продолжал доктор Виленский. — Гардероб внизу на ремонте, вот мы зеркало сюда и перенесли.

* * *

Я еще долго оставалась заложницей своей депрессии, но с того дня мое желание умереть каким-то непостижимым образом пошло на убыль. В начале марта я заболела гриппом и пару недель просидела дома. По этой причине мои визиты на Пряжку прекратились. Наступила солнечная, ослепительная, бесстыжая весна, которую я переносила плохо из-за развившейся у меня светобоязни.

Светобоязни я была обязана тем, что ко мне вернулась способность плакать. Обнаружив это, я стала плакать буквально по любому поводу. Я рыдала, слушая университетскую лекцию по литературе, где говорилось о гибели датского короля Рагнара в змеиной яме. Я лила слезы, ознакомившись с речью Рональда Рейгана об «империи зла». Я ревела, когда мы с Юлькой не попали на концерт группы «Алиса» в Ленинградском рок-клубе. Мысль о том, что во мне сосредоточено зло мира, посещала меня все реже. Ее вытеснили потоки слез. Наконец она исчезла из меня, будто бес из дочери той библейской дамы, что когда-то так жарко молила Иисуса о помощи.

Мама познакомилась с новым мужчиной. Летом она наконец рискнула оставить меня одну в квартире, уехав с ним на базу отдыха.

В июле, накануне Дня Военно-Морского Флота, мне случилось заехать к руководительнице моей курсовой работы. Жила она неподалеку от Мариинского театра. Выйдя от нее, я остановилась перед широко распахнутыми окнами Консерватории. Из них лилась та восхитительная разноголосица инструментов, которую можно услышать лишь возле музыкальных учебных заведений да еще в оркестровой яме.

Постояв так пару минут, я повернулась, пересекла площадь по зеленому сигналу светофору и медленно пошла по улице Декабристов.

Путь к больнице оказался на удивление долгим. Я шла мимо бывших доходных домов, построенных в классическом стиле по проектам архитекторов Лангвагена, Спиндлера, Вальберга, мимо неоготической лютеранской церкви, мимо Лермонтовского проспекта, где высилась Большая хоральная синагога. Я читала мемориальные надписи на фасадах, которых раньше не замечала.

Улица Декабристов упиралась в речку Пряжку. Пышная листва деревьев сверкала на солнце после недавнего ливня. Как и зимой, берега Пряжки были усеяны собачьим калом, но теперь здесь не было снега, и коричневые катышки сливались с землей.

Больничное здание, построенное по проекту архитектора Шарлеманя, недавно отремонтировали. Желтая краска на его фасаде еще не успела приобрести тот тошнотворный оттенок, который ненавидел Достоевский.

Я знала, что в здание за громадной стеной, утыканной копиями, меня не впустят. Я не имела никакого отношения к психиатрической больнице номер два. Здесь находились люди, проходящие принудительное лечение. Хронические алкоголики, шизофреники, параноики. Несвободные люди. Люди в клетках.

Сама я была на свободе. Я могла сесть на троллейбус, спуститься в метро, зайти в кафе. Могла купить сколько угодно апельсинов.

Чуть поодаль на набережной Пряжки виднелся маленький, кое-как оборудованный пляж. Там маячило полдюжины небритых мужчин в штанах, закатанных до колен. Они лежали на травке и смолили папиросы, с наслаждением подставив

лица солнышку. Рядом с ними валялись лопаты. Остановившись совсем близко от этих людей, я разглядывала их безо всякого стеснения, но они не обращали на меня внимания.

От группы отделился человек и, поминутно теряя равновесие, медленно вошел по колено в воду.

— Герасимов! — слышался ворчливый окрик откуда-то из зарослей. — Было сказано: в воду не лезть! Понадейся на вас... Ваше счастье, Виленский в отпуске. Он бы вам прописал.

Тощенький человек с голым торсом обернулся. Широко улыбаясь, он потянулся всем телом, радостно помотал головой. Пару секунд постоял, делая руками круговые движения. Птица, вытатуированная у него на груди, забавно подергивала крыльями. Когда он наконец двинулся обратно к берегу, он больше не шатался, а шествовал ровно и прямо. Казалось, он идет по воде.

Б. Савельев. Улица Марата. Прохождение, 1980 г.
© Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО» (РОСФОТО).

Юрий КАСЯНИЧ

(Рига, Латвия)

НЕВСКИЙ ВЕТЕР

По набережным Петербурга слоняюсь в конце октября,
где ветер, сырой и сумбурный, у кленов и лип отобрал
листвы золотые запасы. Летит, отраженья палат
кроша, словно булку, зубастым созданьям, столетья подряд
живущим под черной водою и ждущим зерна фонарей.
Иду, провожаем звездою, навстречу застывшим в норе
тяжелого времени года, когда улыбаться невмочь,
когда дирижабли свободы сдуваются, падая в ночь.
Простуда желает реванша над беглой венозной Невой.
И тень мою ветер срывает, как мокрый асфальт, с мостовой.

ЛЕБЕДИНОЕ

Анне

А в Питере — белые ночи.
И выпускные балы.
И легкие платья девчоночьи,
Как странное небо, белы.

Когда-то могло лишь присниться —
глянь, в облаке легкой канвы
на роликах выпускница
летит вдоль решеток Невы
навстречу далекой юдоли,
неведомым ведомостям.
Пусть крылья несут над водою
назло разведенным мостам!

* * *

Навстречу любви ли, печали
земфирину песню шепча:
а хочешь? — и знает едва ли,
что сбудется в этих ночах.

Бывало, отчищают крылья
парковым лебедям —
кручинятся птицы сильные,
но на зиму не улетят.

Прощай, оскопление слова,
прощай, перлюстраций бум!
Но в крайность впадаем снова:
теперь на запрет — табу.

Приятель подбавил яду:
— Наивен ты наяву!
Из Риги до Калининграда
письмо идет через Москву.

Не слушай, лети, девчонка,
покуда открыт билет,
страшилок сейчас до черта,
обратной дороги нет!

Хочу лишь — когда досконально
мир вызубришь, щуря глаза, —
чтоб сердце к Лебяжьей канавке
с чужбины тянуло назад.

ЕЛЛОМЯКИ

Екатерине Полянской

1.

Я шел вдоль берега... Залив дремал,
в себя, как в одеяло, завернувшись.
На влажных деснах обнаженной суши
блестели водоросли. На ремнях
прозрачных парашютов — тишина
спускалась, и до финского предела,
за чайкой взгляд стремился. Я без дела
шел молча. И была погружена
душа — не в глубь себя, а в хор небес,
который ультразвуковым органом
спускался к морю по рассветным граням
на пляжное пустое поле. Без-
различно к состоянию погод,
как будто в сказке, сосен ножки курьи
шли по откосам в цвет хомячьих шкур;
кукушка, как радист, судебный код
транслировала. Вышний резидент,
который пил субботний кофе молча,
закашлялся, и кровяной комочек
мой —
в ребрах вздрогнул, словно был задет
шальной пулей, что (прошив насквозь,
навывлет — тело) ласточкой взлетела,
и боль, вчера дремавшая латентно,
кольнула, будто кончился наркоз.

2.

Тут с колокольной горки грянул звон —
объявлен сбор в писательском поселке.
Сквозь влажный воздух легкого посола
заторопился я, и мне вдогон

прибой сонливо что-то прошептал —
напутствуя? прощаясь? намекая —
что разочарованья и метанья
пора забыть, входя в лесной портал...

Гудя, инсекты метили в висок,
как будто знали русское название
местечка; даль беззвучная зевала
залива серым небом на восток.

Упасть на землю не решался дождь,
хотя провисла неба парусина
над хвойною окраиной России,
лесам Суоми сообщая дрожь.

Двадцатый век горяч был на дела —
поселок, как печеную картошку,
бросал он то на финскую ладошку,
а то на русскую лихую длань.

Серебряные тени меж стволов —
знакомые — светло, неопалимо
мелькали, как изнанкою — малина,
где в мох улегся ветер-кустолом.

Стадами полных влаги облаков
неспешно, в такт небесному минору,
шло время... Подниматься в гору
мне было одиноко, но легко —

поскольку намечался передых
в души и жизни противостоянье.
Ахматовское легкое сиянье
как вишни цвет, дрожало впереди.

Борис Конов. «Нева замерзла». 1981 г.

© Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО» (РОСФОТО).

**Ольга
ПУССИНЕН**

(Хельсинки, Финляндия)

ПЕТЕРБУРГСКАЯ МЕТЕЛЬ

Уж полночь близится, а Германа все нет...

Напрасно ждете Вы его, Елизавета,
И сотовый Вам не дает ответа —
Вне доступа сегодня абонент.
За шторой — петербургская метель,
В пяти шагах не различить друг друга.
Мосты разведены, и только вьюга,
И только вьюга стелет нам постель.

Ноябрьский снег дороги заметает, —
Не будет ни рассвета, ни зари,
И Германа путей никто не знает.
Куда ж теперь звонить — ноль два, ноль три?

Присядем, Лиза, тихо в уголку
И под пурги суровой завыванья
Подумаем: какие на веку
Судьба еще готовит испытанья?

Играя роль в статистах и массовке,
Нам большего достигнуть не дано...
Но что болтал там Томский на тусовке? —
Что в городе закрыли казино.

Поставим же скорее на зеро! —
Не устрашат нас Пиковые дамы,
Мы знаем наизусть сюжет той драмы
И обойдем нам заданный урок.

Козырного червонного туза,
Чтоб не обдернуться, мы в рукаве запрячем,
И счастье станет не слепым, а зрячим,
И Герман к Вам воротится назад!

Он едет, едет — снег из-под копыт,
Из-под колес кредитной новой «бэхи»,
И хоть от виски тяжелеют веки,
Но саквояж купюрами набит.

Он в смокинге, с букетом белых роз!
Визжит резина летняя в буране,
И жизнь на этот раз нас не обманет!..
От белых мух смешно наморщив нос,
Под перебор усталых матерков
Гаец в советском дымчатом тулупе,
Прищурясь, пишет протокол о трупе,
Скончавшемся «от шейных позвонков».

Без десяти двенадцать. Букли сняв,
Графиня мирно спит в своей кровати.
И хватит, хватит, этой ночи хватит
На ожиданье завтрашнего дня.

Марианна СОЛОМКО

(Киев, Украина)

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВЕСНА

Мимо Пушкина, вдоль Эрмитажа
Тройка русская нас пронесла,
Петербург с высоты экипажа
Очаровывает, как весна!

Тройка русская, улочка узкая —
Расступись, расступись, расступись! —
Рысь веселая, балагурская,
Унеси в петербургскую высь!

Вот — Казанский — на счастье подковой,
Вот — Гостиный купеческий двор,
Кони Клодта сорвались рисково,
Мчат во весь сумасшедший опор!

Подо льдами взыграла Фонтанка,
Как шампанское, брызжет Нева,
Торжествуй же, весна-хулиганка,
Ты в любом бесшабашье права!

* * *

Утки гнездились на Новой Голландии,
Воздух шершавыми крыльями гладили,
Помнился остров осанкою кормчего,
Аплодисментами лап перепончатых.

Чайки встречались, печальные горлицы...
Миг, и казалось, Голландия стронется
С места насиженного, трехсотлетнего
В сторону Зимнего, в сторону Летнего...

Ныне — застройка сырая, рутинная,
Не забелеет здесь кладка утиная,
В новой кирпичной обыденной кладке
Остров-утенок — растерянно-гадкий.

МАТРЕШКИ

Шведские дети швыряли матрешки
Об пол... Катились они, словно бусы...
Шведские дети — не Маньки и Прошки —
С яслей блюдут европейские вкусы.
Взрослые шведы кричали: — Как славно! —
И умилялись их бурному нраву.
— Русские, вот вам — за Дерпт и за Нарву,
Вот — за Полтаву!
Шведские дети швыряли матрешки
Об пол... Катились они, словно бусы...
Платья измяты, разбиты кокошники...
Родина встретила души их русые.

* * *

Отъедается век за блокаду,
За огромные смерти младенцев,
За живое, оглохшее в камень
Ленинграда геройское сердце.

Был на карте не город, а голод,
Лед на Ладоге хрупкий и тонкий,
Но повергли врага серп и молот,
Матерям разослав похоронки.

И склонившись над кукольным хлебом,
Над размером его поминальным,
Той зимой свято верили в лето
И в победное Красное Знамя.

Был на карте не город, а голод,
Лед на Ладоге хрупкий и тонкий...
Больно жалит истории овод —
Ешьте досыта, мира потомки!

* * *

На январском лежал одре
Во дворе, во колодце-ведре.
Знал ты классику: пьесу «На дне»
И «Хождение по мукам». Одно —
Уложило на горькое дно,
А другое — оставило вне.

Ты лопатками вмерзнул в одр,
Грабли ребер торчали гордо.
Улыбаться ты не был добр —
Темной проруби невский осетр,
И деревьев суровые морды
Отпевали твой мертвый аккорд.

* * *

Сколько было неровных,
Сколько было неверных,
Неродных, несинхронных
И не северных — скверных.
Сквозь сиреневый вермут
И сквозь дым сигаретный
Позабытых задверно,
Искушенных запретно.
Хорошо или плохо,
Бессловесно, на ветер
Пронесла вас эпоха
Через Питер и Петер...

* * *

Болью тяжкой налитые,
Невесомые, в беде —
Две короны золотые
Плыли по большой воде.

Клен задумчиво их бросил
В листопадную Неву.
Помогала неба просинь
Им держаться на плаву.

Знать, их чувства молодые
Не погибли в маяте.
Две короны золотые
Плыли по большой воде.

И. И. Исаев. Угол Невского проспекта и Садовой улицы. 1958 г.
© Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО» (РОСФОТО).

**Елена
ЛАПИНА-БАЛК**

(Хельсинки, Финляндия)

А В ПИТЕРЕ ВЕСНА

Когда вернусь, не знаю,
и если позовешь...
А в Питере весна, и
всему привычный дождь,
всегда манящий — трепет
бессонных снов-ночей.
И страшный бред и лепет
ошибок без ключей,
но оправданий полный:
была не колесом, а спицей.
Словно стоны:
«Исаакий», «Невский»...
Слов —
мостов, каналов, масок
и прочих пустяков...
вне обода оков —
не сочиняю сказок.
И ты не Бог и не Судья,
и мы не дети.
Жизнь — не ложь.
Я? —
Да совсем уже не — Я.
Вернусь...
я верю...
позовешь...

Наталья НАУМОВА

(Брисбен, Австралия)

МОИ ВОЗРАЩЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Как часто мы не замечаем и не ценим то, что имеем. Сколько раз, оглядываясь назад, мы думали о том, как здорово и замечательно было жить тогда, когда... А мы, слепцы, все думали о будущем и не видели, не слышали, как бьются о наш порог, в надежде быть замеченными и услышанными, удача и счастье. Все познается в сравнении — еще одна банальность, которая для некоторых становится спутником всей их жизни. Только уехав из родного города или страны, понимаешь, как много тебя связывает с их улицами и проспектами, как важно, оказывается, знать, что в доме напротив живет друг детства Ленка, у которой всегда дома вкусные пирожки с картошкой и грибами, испеченные заботливыми руками мамы. А по дороге в любимый парк, рядом с раскидистой березой, каждым летом продают твой любимый миндаль в сахаре — нигде в мире нет такого вкусного миндаля. В аптеке на улице Н. работает подруга твоей старшей сестры, с которой всегда приятно поболтать, когда зашел за покупкой, а в кинотеатре, рядом с бабушкиным домом, — самый большой экран в городе и удобные, мягкие откидные кресла — как здорово было приходиться сюда после школы с друзьями.

Я уехала учиться в Австралию в 2014 году, сразу после школы. Грезилa этой страной, и мечта стала явью... не без серьезного труда, конечно же. Но только пожив какое-то время в уютной теплой Австралии, я постепенно начала осознавать, сколь многого мы лишаемся, решив уехать из прошлого в будущее. Дело не в сожалении об отъезде, а в том, как важно цепляться за каждую секундочку жизни там, где ты сейчас есть, и использовать ее на максимум, ощущать всеми клеточками.

За свою жизнь я побывала в Санкт-Петербурге шесть раз. Первые четыре были тесно переплетены с лечением в восстановительном центре детской ортопедии и травматологии «Огонек», где воспитывалась моя душа и крепчал мой характер. По два месяца в течение четырех лет я проводила в «Огоньке», который поначалу воспринимала как наказание. Однако, повзрослев, моим глазам открылась удивительная правда — боже мой, оказывается, мне там было хорошо, и я не только не стала инвалидом в возрасте двенадцати лет, но превратилась в более взрослого, самостоятельного, цельного человека: мой поклон главврачу Дудину Михаилу Григорьевичу. В пятый раз я приехала в Санкт-Петербург с моим классом из Перми: было холодно и дождливо, однако весело и познавательно. Шестой раз оказался неожиданным, как и сам Санкт-Петербург, у которого масок, кажется, не перечесать.

Питер вообще господин особенный: величавый и одновременно с юморком за пазухой, а еще с миллионом историй в голове. У него всегда с собой строгая шляпа, сюртук из дорогой ткани с позолоченными пуговками, но в кармане того сюртука всегда припрятана конфетка для мальчугана, чья очаровательная мордочка торчит из проезжающей мимо коляски...

Шестой раз удивил изумительной летней погодой день через день (здесь истинный петербуржец улыбнется знакомым погодным прихотям любимого города), чистым метро,

вежливыми людьми, открытыми верандами уютных кафе с геранью в горшочках, иностранной речью, которая доносилась то тут, то там, и неожиданным ощущением тотальной, абсолютной гордости за культурную столицу России. Не к чему было придраться, как в прошлые приезды; чувствовалось, как сильно шагнул город в развитии за последние годы и как сильно изменилось мое отношение к нему. В шестой раз мне было с чем сравнивать: город Брисбен, в котором я живу сейчас, невероятно комфортен, имеет массу интереснейших достопримечательностей и довольно популярен у туристов. Мы часто говорим, что за границей жизнь слаще да приятней, что трава у соседа зеленее, но в случае с Санкт-Петербургом надо заметить, что трава здесь такая же зеленая, мягкая и аккуратно подстриженная, как и в столице солнечного штата Квинсленд на австралийском континенте. Что же касается исторической и культурной составляющей жизни Санкт-Петербурга, то здесь он даст фору австралийским городам, да и не только. Нигде так не чувствуется память предков, связь поколений и пласты истории прошлого, как в Питере, где прошлое, настоящее и будущее живут мирно рука об руку. Никогда архитектура этого города, манящая зайти в каждый двор и открыть дверь, ведущую в нарнию истории, не перестанет вызывать у меня восторг и какой-то детский восхитительно-поразительный трепет. Архитектура города и сам Санкт-Петербург очень дружелюбные, простые в душе люди.

Хорошо там, где мы есть. Как важно ценить красоту любимого города, замечать, как он растет и развивается, и не сравнивать его с другими, только если с целью сделать его еще лучше.

Халдей Е. А. (1917–1997). Без названия (Дети на прогулке). 1950-е годы.
© Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО» (РОСФОТО).

Ефим ГАММЕР

(Иерусалим, Израиль)

НЕВСКИЕ БЕЛЫЕ НОЧИ

1

Невские белые ночи.
Помыслов росные капли.
Вынесло в многоточье
шпильки, кинжалы и сабли.
Плаваются в прелости звуки.
Сеются в праздности слоги.
Призраков стылые руки.
Странной окраски тревоги.
Сны натекают ленно
лепетом лживости детской.
Пахнет осенним сеном
и очарованным сердцем.
Влажные пальцы дремлют.
Губы к губам прижаты.
И в запредельные земли
двигаться вовсе не надо.
Ветер — ходок, пусть бродит,
лунность толкает в пойму.
Было все это в годе...
Впрочем, позвольте, — не помню.

2

Надежда мечена былъем.
Удача — сладким трупным ядом.
Ну что же, друг. Ужо нальем
капель в бокал, побитый градом.
Делиться снова — на двоих —
вином, виной, бедой и снами.
И как бы ни был многолик
наш горизонт, но он не с нами.
Он у балтийских берегов —
в созвездиях Тельца и Рака.
Как много писем! Сколько слов —
достойных сердца — на бумаге.

3

Ламповой копотью мыты
лунных налетов цвета.
Голодом вылита сыто
лепета лепота.
Облиты росами дроли.
Молью цветет трава.
И голытьба — недоля
сладостна, словно халва.
Кто бы вдруг выдумал крылья,
чтобы в картину влететь?
Сонные капельки пыли.
Тишь, одиночество, смерть.

4

И спутник старинных сказаний,
и пленник наследственных сил,
я нервно — стихом осязаний —
в словесных пределах бродил.
Вызваливал формулу чувства
из дебрей придуманных дней.
И Синяя Птица Искусства
стеклянно мерцала в окне.
Вломились незванные сроки,
оконные смяв миражи.
И снова судьба на пороге
у правды-неправды — души.

5

И все-то, все-то — ничего.
Зима, снежинки.
Нева, покрытая ледком,
как бы в простынке.
Изба, разбойное крыльцо —
ногам подсечка.
Заиндевелое винцо,
шальная печка.
И все-то, все-то — в полусверк
ушедшей ночи.
Летит сквозь жизнь, летит сквозь век,
ворчит, пророчит:
«Река вдруг вскроется. Пойдет
в скелетном гуде.

И лишь того не кинет в пот,
кто жив не будет».
И все-то, все-то — трюнь-травя.
Больной — в порядке.
Играет с веком жизнь-вдова,
играет в прятки.

6

В любви дорог обратных нет.
Оглянешься — там бездорожье.
И тихо шепчешь: «Пожил, пожил»,
неся в душе вчерашний свет.
В любви дорог обратных нет.
Но повстречаться можно снова
с влекущим отголоском слова —
«люблю» — и выдохнуть в ответ:
«В любви дорог обратных нет».

Открытие памятника А. С. Пушкину на пл. Искусств в Ленинграде.
19 июня 1957 г.

© Всероссийский музей А. С. Пушкина.

Иван СОБАКИН

(Купр)

СПАСИБО ВАМ, ПЕТР!

В 2018 году город Санкт-Петербург отмечает 315 лет со дня основания. По воле судьбы я посетил этот замечательный город накануне празднования годовщины. Мое знакомство с Петербургом прошло в рамках XI Петербургского форума молодежных организаций российских соотечественников и зарубежных СМИ «Русское зарубежье».

Еще до приезда в культурную столицу у меня сложился своеобразный образ города. Из школьного курса истории в память врезалась дата основания города 1703 г. и картина Серова с изображением Великого Петра. По мере взросления образ города дополнялся видами, увиденными в фильмах («Невероятные приключения итальянцев в России», «Осенний марафон», «Брат»), образами, услышанными в песнях Бориса Гребенщикова, Александра Розембаума и Юрия Шевчука. Я уже был заочно знаком со стройным Адмиралтейским шпилем, Марсовым полем, Фонтанкой, с «медным» Петром, который «добывает стране купорос».

Образы города на открытках с блестящим на солнце золотом убранством Петергофа и со сверкающими шпилями Адмиралтейства и Петропавловской крепости контрастировали с образом дождливого города, показанного во многих песнях:

Дождь... Над Невой туман.
Львы намочили гривы.
Только портовый кран
Нам разгружает сливы.
Дождь намочил асфальт.
Дождь прыгает по крышам.
На Театральной альт
Мы из окошек слышим.

Во время перелета я гадал, в каком образе предстанет передо мной Питер. Просьба организаторов форума обязательно взять зонт готовила к дождливой погоде, и действительно, Санкт-Петербург встретил нас дождем. Я думаю, город решил нам показать майскую красоту цветущих тюльпанов, сирени и каштанов на фоне серого неба и мокрого асфальта. В остальные дни погода радовала нас, и мы увидели сверкающий Петергоф и шпиль Адмиралтейства и Петропавловской крепости.

В культурную программу форума входила обзорная экскурсия по городу, посещение колоннады Исаакиевского собора, музеев, библиотек, театра, а также офиса «ВКонтакте», который расположился в Доме Зингера на Невском проспекте. Представители компании «ВКонтакте» позволили подняться на самую верхнюю точку здания, в купол. Смелчаки поднялись по вертикальной лестнице в глобус, возвышающийся над куполом. Через стеклянные проемы глобуса открывалась великолепная панорама на город и изумительный вид на Казанский собор.

Важной частью программы стало посещение Пискаревского мемориального кладбища, где молодые соотечественники почтили память павших в годы Великой Отечественной войны. Участники форума от имени всех благодарных соотечественников возложили венок и красные гвоздики к подножью монумента «Родина-Мать». Встреча с жителями блокадного Ленинграда и ветеранами войны показала, что молодое поко-

ление чувствует боль и благодарность за великий подвиг русского народа во время Великой Отечественной войны и готово передать следующему поколению историческую правду без искажений.

В завершение программы молодым соотечественникам представилась возможность увидеть ночной Петербург с палубы корабля. Перед нами предстали освещенные фасады зданий, отражающиеся в темной воде. В компании новых друзей из 43 стран мира под звуки гитары мы наблюдали разведение мостов. Нас переполняло ощущение счастья и единства.

Питер покоряет своим шармом, особым укладом жизни, людьми, архитектурой. Обилие каналов, мостов, музеев, исторических зданий никого не оставляет равнодушным. В Петербурге чувствуется дух интеллигентной России. Атмосфера города пропитана культурой.

Город впечатлил меня и предстал во всей своей красе. К сожалению, насыщенная программа форума не оставила времени для посещения Эрмитажа, но это стало поводом приехать еще раз в «самый классный город на Земле».

Я благодарен организаторам форума за возможность посетить знаменитый город на Неве.

Благодарность Великому Петру, который построил город и сумел сделать его мировым культурным достоянием, я хотел бы выразить цитатой коренного ленинградца Александра Розенбаума:

И венцом золотым устремляется ввысь
Гордость и красота всероссийского флота...
Это так хорошо, что мы здесь родились,
Здесь живем и умрем. Ах, спасибо Вам, Петр!

С днем рождения, Санкт-Петербург!

Е. А. Халдей (1917–1997). Белые ночи, 1950-е гг.

© Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО» (РОСФОТО).

Григорий МИНСКЕР

(Ачерро, Италия)

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

Полетели с деревьев конфетные фантики
Потянулись по городу запахи жженого,
И, срываясь как с привязи, ветры-фанатики
Разгоняют по улицам золото желтое.

И фонтаны, проплакав неяркое лето,
Виновато моргают глазами сухими,
И осеннее небо, в лохмотья одетое,
Покрывалось от холода пятнами синими.

А на детской площадке играют в куличики
Здесь не водятся с грустью, не чувствуют времени,
И меня потянуло курносое личико
Подозвать и к себе посадить на колени.

Из песка мы построили замки хрустальные,
Из стекляшек устроили светлые речки,
Я выкладывал молча огромно-усталое,
Что во мне накопилось, тому человечку.

Я ему рассказал, что царевна надменная
Проживает в дождливом, большом Ленинграде
И что чувство свое, как монету разменную,
Удалось промотать непутевому дяде.

Я спросил у него: «Может, добрая фея
Занавесит царевну узором вуали,
Чтобы сердце мое, постепенно немея,
Уводило меня в равнодушие дали?».

Я спросил у него: «Может, горькое зелье
Мне пойти попросить у колдуньи горбатой,
Чтобы хоть ненадолго в угаре веселья
Отделиться от мыслей, как крепкой оградой?»

Было что-то еще, очень много и долго,
Цепь больных оправданий и доводов шатких...
Я почувствовал вдруг, что сию одиноко
На покинутой всеми песочной площадке.

Фиолетовым светом светили фонарики,
А скамейки чугунные — как на параде,
И, срываясь как с привязи, ветры-фанатики
Злобно выли вослед уходящему дяде.

Анастасия ДРОЗДОВА

(Вейккола, Финляндия)

С ПЕТЕРБУРГОМ — НАВСЕГДА

Эмиграция — непростое испытание, которое может растянуться на несколько лет. Несколько лет каждодневного тяжелого труда — в процессе поиска и принятия себя в новом мире, где не говорят на твоём родном языке. Как быть, по какому пути пойти?

С одной стороны, ты должен влиться в новое общество и стать его неотъемлемой частью — работоспособной, такой, чтобы шестеренки сладились друг с другом и механизм жизни исправно крутился. Поэтому первостепенной задачей становится изучение (и как можно скорейшее) иностранного языка — языка той страны, где ты намерен жить.

С другой стороны, особенно если ты уехал в зрелом возрасте, тебе трудно расстаться с собой прежним. Тебе крайне важно сохранить и свои достижения, и культуру и традиции своего народа. И передать эти знания своим детям. И в первую очередь — язык. Русский язык.

По статистике, русский язык не слишком распространен в мире. По данным 2017 года он является родным всего для 280 млн человек. Его опередили китайский (1,3 млрд), хинди (490 млн), испанский (437 млн), английский (372 млн), и арабский (295 млн). Русскоязычных сайтов в интернете — все-

го 6,7% от общего количества, а англоязычных — 51,3%. Но когда оказываешься за рубежом, складывается впечатление, что в этих цифрах кроется то ли ошибка, то ли опечатка — так много людей говорят на русском языке. Это доказал Форум «Русское зарубежье», который собрал в майском Петербурге молодых людей из 43 стран мира.

Так, в Петербургском форуме молодежных объединений российских соотечественников и зарубежных русскоязычных СМИ «Русское зарубежье» приняли участие 74 человека со всего мира: от США до Китая, от Швеции до Грузии, от Ирландии до Киргизии. Всех объединяло одно — молодые люди говорили на русском языке. Почему так сложилось — у каждого своя история. Чьи-то родители эмигрировали из России много десятилетий назад, но приложили усилия, чтобы их дети говорили на родном языке своих предков. Кто-то был знаком с Россией, так скажем, издалека, но выучил русский уже в зрелом возрасте. Кто-то переехал за границу не так давно, но нашел там свое призвание в деле сохранения родной культуры — и открыл русскоязычный детский сад или творческий кружок, преподает русский язык и литературу. И это прекрасно: ты не просто знаешь — ты уверен в том, что, куда бы ни отправился, в какой бы стране не оказался, всегда найдется человек, который поймет и поддержит тебя на родном языке.

Собственно, совершенно не удивительно, почему для встречи соотечественников был выбран именно Петербург. Отпраздновав свою всего 315-ю годовщину, он не может состязаться со столицей в вопросе: «кто старше, тот и главный». Но, на мой взгляд, выхватил у Москвы пальму первенства в другом. Ведь если мы произносим «русский язык», мы подразумеваем — Петербург, не правда ли? Мы говорим «Пушкин» и видим домик в Коломне (ныне набережная Фонтанки, 185) и квартиру на Мойке. Мы читаем Достоевского и отправляемся

на канал Грибоедова смотреть на дом старухи-процентщицы. Мы вспоминаем Гоголя и гуляем на Старо-Калинкином мосту вместе с призраком несчастного Акакия Акакиевича из «Шинели»... Эти фамилии объединяют весь мир, и русский язык этих бессмертных произведений звучит музыкой для каждого.

Знаете, когда я читаю в сети громкие признания в любви Петербургу, меня несколько коробит. словно это признак хорошего вкуса и тона — не только любить город на Неве, но и заявлять об этом во всеуслышание. Петербург сам по себе не криклив, поэтому не требует восхищения. Он строг, молчалив, спокоен и величественен. Он уверен в себе и самодостаточен. Но разве сможет итальянец с горячим нравом удержаться от возгласов, побывав здесь?!.. Да и зачем, не правда ли?

Вот и форумчане то и дело признавались Петербургу в любви. Кто-то не мог сдержать эмоций, так как видел Северную столицу впервые: «Я влюбился в этот город, как бы я хотел здесь жить...» Кто-то уже бывал здесь, и неоднократно: «Здесь, на Фонтанке, он сделал мне предложение...»

А Петербург не требует официальной регистрации — он твердо, в глубине своей гранитной души, знает: всего одна встреча — и вы с ним навсегда, в какой точке земного шара вы бы ни были.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ST.-PETERSBOURG.

Театральная площадь. Памятникъ Глинки
Place du Théâtre. Monument de Glinka

Санкт-Петербург. Театральная площадь.
Памятник М. Глинки. Фотооткрытка. Нач. XX в.
© СПб ГБУК «Историко-мемориальный музей «Смольный»».

**Белла
ВЕРНИКОВА**

(Иерусалим, Израиль)

ПЕТЕРБУРГ

Твоя квартирка на Морской
завязана в дорожный узел,
направо — магазин складской,
налево — сауна с джакузи.

В закрытой на замок стране
ты чтил изъятые страницы
и, роясь в книжной старине,
стальные нарушал границы.

Среди бумажной шелухи
ты находил мне Гумилева,
и ты любил мои стихи
за точно сказанное слово.

И дальше строки не тебе,
а страсти выйти за пределы,
нацеленности на побег,
которая и мной владела.

Евгений ЛЕЙЗЕРОВ

(Констанц, Германия)

НАБОКОВСКИЙ ПЕТЕРБУРГ

*И слышу я, как Пушкин вспоминает
все мелочи крылатые, оттенки
и отзвуки: «Я помню, — говорит, —
летучий снег, и Летний сад, и лепет
Олениной... Я помню, как, женатый,
я возвращался с медленных балов
в карете дребезжащей по Миллионной,
и радуги по стеклам проходили;
но, веришь ли, всего живее помню
тот легкий мост, где встретил я Данзаса
в январский день, перед самою дуэлью...*

Набоков В. «Петербург». <14 января 1923>

1

В Санкт-Петербурге, этой удивительной столице русской поэзии, есть две старейшие, рядом расположенные, параллельные улицы — Чайковского (до 1923 года — Сергиевская) и Фурштатская, напрямую связанные с жизнью и творчеством писателя Владимира Набокова. Поэтому вначале хотелось бы остановиться в центральной части Сергиевской улицы, верней, в ее сердце — на пересечении с Литейным проспектом, где когда-то (вместо нынешнего, 1930-х годов постройки, серого, казенного сооружения) находился знаменитый Сергиев-

ский собор (разрушен в 1934 году), в честь которого и была названа улица. Давайте, хотя бы мысленно, пройдемся по нечетной стороне этой улицы в сторону проспекта Чернышевского и отметим те дома, которые так или иначе связаны с именем Александра Сергеевича Пушкина.

В первом же — трехэтажном доме №21/8, на углу Сергиевской улицы и Литейного проспекта, в начале 1840-х годов до 1843 года снимал квартиру близкий друг Пушкина, князь Петр Андреевич Вяземский. А через три дома расположен дом №29, который можно назвать «фамильно-родовым гнездом» семейства Ганнибалов, ибо он (дом) был приобретен прадедом Пушкина, «арапом Петра Великого» — Абрамом Петровичем Ганнибалом в конце 1750-х годов. После смерти Ганнибала в 1781 году дом принадлежал еще более 20 лет его сыновьям. А в следующем доме №31 в 1787 году родился будущий писатель Николай Греч, труды которого Пушкин очень ценил.

И последним домом в нашем кратком путешествии по пушкинским местам небольшого участка Сергиевской улицы станет дом №55. Он знаменит тем, что здесь снимала квартиру в 1762 году Екатерина Ивановна Набокова, урожденная Пуцина, вдова генерал-адъютанта Ивана Александровича Набокова (1787–1852) (бывшего братом прадеда писателя Владимира Набокова), «...героя войн с Наполеоном, ставшего под старость комендантом Петропавловской крепости в Петербурге, где одним из его узников был (в 1849 году) писатель Достоевский, автор «Двойника» и проч., которого добрый генерал ссужал книгами. Куда интереснее, однако же, то, что он был женат на Екатерине Пуциной, сестре Ивана Пуцина, однокашника и близкого друга Пушкина». Следует сказать, что Пушкин «...бывал в Пскове у Набоковых, сестре своего друга он подарил список стихотворения «Мой первый друг, мой друг бесценный» с пометой «13 дек. 1826. Псков».

Завершая же экскурс в прошлое Сергиевской улицы, отметим, что почти напротив дома №55, или, скорей, по диагонали, по направлению к Воскресенскому проспекту (ныне — проспект Чернышевского), на другой стороне улицы находится дом №38. Именно про этот дом и про то, что маленький Лужин проходил мимо описанных выше домов, повествует Набоков в романе «Защита Лужина»: «...В школу он обыкновенно ездил на извозчике, всегда, кстати сказать, старательно изучая номер, разделяя его особым образом, чтобы поудобнее упаковать его в памяти и вынуть его оттуда в целости, если будет нужно.

Но сегодня он до школы не доехал, номера от волнения не запомнил и, боязливо озираясь, вышел на Караванной, а оттуда, кружными путями, избегая школьного района, пробрался на Сергиевскую. По дороге ему попался как раз учитель географии, который, сморкаясь и харкая на ходу, огромными шагами, с портфелем под мышкой, неся по направлению к школе. Лужин так резко отвернулся, что тяжело звякнул таинственный предмет в ранце. Только когда учитель, как слепой ветер, промчался мимо, Лужин заметил, что стоит перед парикмахерской витриной и что завитые головы трех восковых дам с розовыми ноздрями в упор глядят на него. Он перевел дух и быстро пошел по мокрому тротуару, бессознательно стараясь делать такие шаги, чтобы каждый раз каблук попадал на границу плиты. Но плиты были все разной ширины, и это мешало ходьбе. <...> Наконец он завидел нужный ему дом, сливовый, с голыми стариками, напряженно поддерживающими балкон, и с расписными стеклами в парадных дверях».

Нужно отметить, что сам писатель Владимир Набоков в детстве, зимой 1906/07 года, здесь несомненно бывал, ибо его родители снимали именно в это время квартиру в этом доме. А напротив, по диагонали через Воскресенский про-

спект, в доме №59/14 по Сергиевской, проживал его дядя по материнской линии Василий Иванович Рукавишников (завещавший впоследствии своему любимому племяннику Володе усадьбу в Рождествено). Так образуется — относительно Воскресенского проспекта (как бы в ширину) — сергиевская (детская) диагональ писателя.

2

В конце апреля 1921 года Набоков написал следующее стихотворение:

В. Ш.

Если ветер судьбы, ради шутки,
дохнув, забросит меня
в тот город желанный и жуткий,
где ты вынешь день ото дня,

и если на улице яркой,
или в гостях, у новых друзей,
или там, у дворца, под аркой,
среди лунных круглых теней,

мы встретимся вновь, — о Боже,
как мы будем плакать тогда
о том, что мы стали несхожи
за эти глухие года;

о юности, в юность влюбленной,
о великой ее мечте;
о том, что дома на Мильонной
на вид уж совсем не те.

Это стихотворение посвящено Валентине Евгеньевне Шульгиной, на что впрямую указано в его названии — В. Ш. (а также в первых буквах второго и пятого слова начальной строки указаны те же инициалы), прототипу «Машеньки» в одноименном романе и Тамары в «Других берегах». Ей посвящен и сборник «Стихи» (1916 г.).

Собственно говоря, стихотворение описывает возможность-невозможность их встречи в родном городе после разлуки, когда позади «эти глухие года». И особенно знаменательны две последние строки: «о том, что дома на Мильонной / на вид уж совсем не те», являющиеся прологом разработки темы Петербурга в творчестве Набокова. Ибо не прошло и трех месяцев после написания стихотворения, как появилось первое, самое длинное стихотворение «Петербург», дающее ответ, что же произошло с городом и с его жителями.

Так вот он, прежний чародей,
 глядевший вдаль холодным взором
 и гордый гулом и простором
 своих волшебных площадей, —
 теперь же, голодом томимый,
 теперь же, падший властелин,
 он умер, скорбен и один...

<... >

Дома скосились, почернели,
 прохожих мало, и они
 при встрече смотрят друг на друга
 глазами, полными испуга,
 в какой-то жалобной тоске,
 и все потухли, исхудали:
 кто в бабьем выцветшем платке,
 кто просто в ветхом одеяле,
 а кто в тулупе, но босой.
 Повсюду выросла и сгнила
 трава. Средь улицы пустой

зияет яма, как могила;
в могиле этой — Петербург...

И теперь уже трудно представить, каким был город в пору их юности, «в юность влюбленной»: «гудение колоколов и темно-синюю рябь свободной Невы; пеструю от конфетти слякоть Конно-Гвардейского Бульвара на Вербной неделе, писк, хлопанье американских жителей, поднимающихся и опускающихся в сиреновом спирту в стеклянных трубках, вроде как лифты в прозрачных, насквозь освещенных небоскребах Нью-Йорка; бабочку-траурницу — ровесницу нашей любви, — вылетевшую после зимовки и гревшую в луче апрельского солнца на спинке скамьи в Таврическом Саду свои поцарапанные черные крылья с выцветшим до белизны кантом...». Он (город) остается только в памяти незатухающей столицей совсем недавнего прошлого:

Мне чудится в Рождественское утро
мой легкий, мой воздушный Петербург...

Я помню все: Сенат охряный, тумбы
и цепи их чугунные вокруг
седой скалы, откуда рвется в небо
крутой восторг зеленоватой бронзы.
А там, вдали, над сетью серебристой,
над кружевами дивными деревьев, —
там величаво плавает в лазури
морозом очарованный Исакий:
воздушный луч — на куполе туманном,
подернутые инеем колонны...

Мой девственный, мой призрачный!... Навеки
в душе моей, как чудо, сохранится
твой легкий лик, твой воздух несравненный,
твои сады, и дали, и каналы,
твоя зима, высокая, как сон
о стройности нездешней...

И, конечно же, память ведет писателя на Фурштатскую улицу, к дому №48, где жила его первая возлюбленная и где окружающие дома, близость Таврического сада, сама аура юношеской любви до сих пор живут в его воображении. Ведь недаром упоминавшемуся сборнику «Стихи» предпослан эпиграф из любимого Мюссе:

Un souvenir heureux est peut etre terre
Plus vrai que le bonheur...
(Воспоминание о счастье может быть
более истинно на земле, чем само счастье...)

И действительно, сонм счастливых воспоминаний о первой юношеской любви все время (непроизвольно) витает в жизни писателя Сирина-Набокова, где бы он не находился: в предвоенной Западной Европе, в Америке или уже в Швейцарии. Он (сонм) уже давно превратился из «звездочки пылкой» из стихотворения 1916 года «Наша звезда» в авторскую путеводную звезду.

Наша звезда

Как полночь пробьет, отодвинь занавески
И в небо морозное долго гляди...
И знай: наши взгляды встречаются в блеске
Далекой, далекой, но общей звезды.

Быть может, тогда пред задумчивым взором
Все то, что ты любишь, все то, чего нет,
Одержит победу над долгим простором,
Тихонько войдя в этот маленький свет.

А звездочке пылкой, наверно, приснится,
Что в юность, в мечты и она влюблена,
Увидя, что в грустных очах отразится
Любовь у тебя и любовь у меня.

И поэтому отнюдь не случайно (хотя, конечно же, вмешивается его величество случай и ее величество мистика) более чем через 50 лет, не зная, что адресат стихов совсем недавно ушел из жизни, Набоков напишет следующее стихотворение:

Сорок три или четыре года
ты уже не вспоминалась мне:
вдруг, без повода, без перехода,
посетила ты меня во сне.

Мне, которому претит сегодня
каждая подробность жизни той,
самовольно вкрадчивая сводня
встречу приготовила с тобой.

Но хотя, опять возьась с гитарой,
ты опять «молодушкой была»,
не терзать взялась ты мукой старой,
а лишь рассказать, что умерла.

9 апреля 1967

3

А на той же Фурштатской улице, в доме №9, в 1902 году родилась Вера Евсеевна Слоним, ставшая впоследствии женой писателя Сирина. Они встретились в Берлине 8 мая 1923 года, на благотворительном балу, причем Вера была в черной маске с волчьим профилем. Она не снимала маски весь вечер, как бы желая, чтобы ее кавалер обращал бы больше внимания на то, что и как она говорит, а не на ее внешний вид. Через три недели об этом вечере Набоков напишет первое посвященное ей стихотворение.

Встреча

И странной близостью закованный...

А. Блок

Тоска, и тайна, и услада...
Как бы из зыбкой черноты
медлительного маскарада —
на смутный мост явилась ты...

И ночь текла, и плыли молча
в ее атласные струи —
той черной маски профиль волчий
и губы нежные твои...

И под каштаны, вдоль канала,
прошла ты, искоса маня;
и что душа в тебе узнала,
чем волновала ты меня?

Иль в нежности твоей минутной,
в минутном повороте плеч —
переживал я очерк смутный
других — неповторимых — встреч?

И романтическая жалость
тебя, быть может, привела
понять, какая задрожала
стихи пронзившая стрела?

Я ничего не знаю... Странно
трепещет стих, и в нем — стрела...
Быть может, необманной, жданной
ты, безымянная, была?

Надолго ли? Навек? . . Далече
брожу — и вслушиваюсь я
в движенье звезд над нашей встречей...
И если ты — судьба моя...

Тоска, и тайна, и улада,
и словно дальняя мольба...
Еще душе скитаться надо.
Но если ты — моя судьба...

И действительно, Вера Слоним сразу же после этой встречи стала единственным, любимым человеком писателя Сирина, без которого он просто не мог представить свое житье в Берлине. И как чудно, как будто про их отношения, написано в «Даре»: «Ее совершенная понятливость, абсолютность слуха по отношению ко всему, что он сам любил. В разговорах с ней можно было обходиться без всяких мостиков, и не успевал он заметить какую-нибудь забавную черту ночи, как уже она указывала ее. И не только Зина была остроумно и изящно создана ему по мерке постаравшейся судьбой, но оба они, образуя одну тень, были созданы по мерке чего-то не совсем понятного, но дивного и благожелательного, бессменно окружавшего их».

И там же, про их незабываемые свидания, но уже в стихах, написанных, правда, в строчку: «За пустырем как персик небо тает: вода в огнях, Венеция сквозит, — а улица кончается в Китае, а та звезда над Волгою висит. О, поклянись, что веришь в небылицу, что будешь только вымыслу верна, что не запрешь души своей в темницу, не скажешь, руку протянув: стена».

А через два года, 15 апреля 1925 года, Владимир Набоков и Вера Слоним сочетались браком в берлинской мэрии. И, как говорится в старой доброй сказке, прожили в мире и согласии 52 года. Правда, и на их отношения набегали иногда каверзные, небезобидные тучки. Но они умели по-царски любить и по-царски прощать. И немногочисленные друзья, с коими чета Набоковых общалась на протяжении всей своей жизни, не переставали удивляться и неустанно повторять: «Как трогательно, восхитительно они любят друг друга!».

И когда в 1977 году в возрасте 78 лет Владимир Владимирович умер, его жена Вера Набокова, находясь в состоянии глубокой депрессии, сказала своему сыну Дмитрию: «Давай наймем самолет и разобьемся!»

А через 14 лет, когда уже Вера Евсеевна ушла из жизни, в газете «Нью-Йорк таймс» заголовок некролога был весьма характерным: «Вера Набокова, 89, жена, муза и агент».

4

Если провести мысленно прямую по Фурштатской улице от дома №9, где проживала до революции в Петербурге-Петрограде Вера Слоним, до дома №48, где жила в то же время Валентина Шульгина, получается относительно того же проспекта Чернышевского (как бы в длину) протяженная прижизненная диагональ писателя Сирина-Набокова. Ибо проспект Чернышевского делит Фурштатскую улицу на две равные части, а вышеуказанные дома находятся на равном расстоянии от Литейного проспекта и от Потемкинской улицы.

Не удивительно ли, что самые близкие женщины писателя (первая возлюбленная и жена), которым он посвящал свои произведения и образы которых навсегда вошли в мировую литературу, жили в детстве и юности на одной и той же улице?! И хотя они были не знакомы, но наверняка их пути могли пересечься, девочки могли встретиться на той же Фурштатской, на катке или в Таврическом саду, обменяться взглядами и остаться каждая при своем мнении от этой встречи...

Но поразительно все же другое. Обе диагонали — и сергиевская, и фураштатская — пересекают в центре одну и ту же улицу, вернее, проспект, при жизни Набокова там — Воскресенский, а в двадцатые годы — переименованный в проспект Чернышевского. Не странно ли, что личное так тесно (в буквальном смысле) пересеклось с творческим, и может быть, трагическая история с публикацией «Дара», верней, с 4-й главой — жизнеописание Чернышевского — в этом романе, одном из лучших в русской литературе XX века, отнюдь не случайность?!

В 1962 году Набоков в предисловии к английскому изданию «Дара» писал: «Занятно было бы представить себе режим, при котором “Дар” могли бы читать в России». Слава Богу, уже Вера Набокова была свидетельницей того, что не только «Дар», но почти все произведения писателя изданы в России и здесь он нашел своего читателя.

Но хотелось бы задать вот какой вопрос. Неужели же мы доживем до того времени, когда уже в школах, да и во всех учебных заведениях не будут проходить роман Чернышевского «Что делать?»? А если и будут говорить о Николае Гавриловиче Чернышевском на уроках литературы, то это будет происходить при изучении романа «Дар», когда будут приводить примеры того, как ни в коем случае нельзя писать художественное произведение; «ибо так уже повелось, что мерой для степени чутья, ума и даровитости русского критика служит его отношение к Пушкину». А именно Пушкина Чернышевский с молодых лет не понимал, поэтому напоследок хочется привести еще одну цитату из набоковского «Дара»:

«Для Чернышевского гений был здравый смысл. Если Пушкин был гений, рассуждал он, дивясь, то как истолковать

количество помарок в его черновиках? Ведь это уже не «отделка», а черная работа. Ведь здравый смысл высказывается сразу, ибо з н а е т, что хочет сказать. Своеобразность Пушкина вообще внушала ему серьезные опасения. «Поэтические произведения хороши тогда, когда, прочитав их, к а ж д ы й (разрядка моя) говорит: да, это не только правдоподобно, но иначе и быть не могло, потому что всегда так бывает».

Щербаков Б. В. (1916–1995). «Пушкин в Петербурге».
1949 г., холст, масло.

© Всероссийский музей А. С. Пушкина.

Юрий ГЕРЛОВИН

(Штутгарт, Германия)

СЕВЕРНАЯ ПАЛЬМИРА

Санкт-Питерсбурх. Великий «град Петров»,
У Финского залива занял мель ты,
Поднявшись грудью против всех ветров,
На пятерне огромной невской дельты.
Основан по велению царя,
Прославленного яростью и лирой...
Шедевр архитектуры! И не зря
Тебя прозвали Северной Пальмирой.
Но где же та Пальмира? Нет ее!
Кичатся камни славою былою...
Ты ж разгонял все время воронье,
Кружившееся с криком над тобою.
Когда ж пришла беда (неровен час)
С названием «Ленинградская блокада»,
Ты не поддался и на этот раз,
Не убоясь фугаса и снаряда.
И вот теперь, спустя десятки лет,
Что видишь, оглядевшись? Тут ли, там ли
Опять калечат, не держа ответ,
Твои неповторимые ансамбли.
Да. Жизнь, как покотившийся клубок,

Чьи нити рвутся с явной неохотой...
Тебя уже малюют под лубок
И золотят фальшивой позолотой;
И тут же рушат двухсотлетний дом,
Не ощущая ни на миг стыдобу,
И расчищают место, чтоб на нем
Фальш возвести — Манхэттена чащобу.
Ударил где-то колокол... По ком?
Над Питером туман, как странник сирый...
Глотаю подкативший к горлу ком:
Что ж будет дальше с Северной Пальмирой?

* * *

В мутном небе солнце, как облатка.
Туч рванье ускорило свой бег.
Распласталась черная крылатка
Над упавшим молча в мягкий снег.

Меркнет жизнь, разорванная в клочья,
Что мелькают, будто наяву...
Точно так же августовской ночью
Звезды тихо падают в траву.

С честью, вечно требующей дани,
Расплатились щедро и с лихвой...
И домой на Мойку мчатся сани;
Раненый мотает головой.

У дивана, будто у надгробья,
Где тонка по дереву резьба,
Тихо встанет смерть у изголовья,
А в ногах чуть склонится судьба.

Станет жизнь метаться между ними,
Стиснув от бессилья кулаки.
И душа взлетит к небесной сини,
Шевельнув кудрявые виски.

ТЕНИ

Питер ночью. Невские мосты
Развели пролеты, как ладони.
Не боясь полночной темноты,
Бодрствуют атланты, львы и кони.
По Коломне, где в былые дни
Буйствовали заросли сирени,
Где сегодня вывесок огни,
Бродят неопознанные тени,

Из притихших улиц выходя
К кружевным чугунным парапетам,
Вдоль которых памяти ладя
Проплывает, вопреки запретам
Прошлое без спросу ворошить,
Пламя разжигать из искры снова,
Связывать разорванную нить
Чьей-то прошлой жизни. Право слово,
Это и нелепо, и смешно...
Прошлое уходит без оглядки,
Все нам щедро оставляя, но
Глупо же играть с тенями в прятки.
Тени тихо бродят посреди
Ериков с каналами сплетений,
И неважно, кто там впереди,

Кто это — оболтус или гений.
Проплывает памяти ладья
По чьему-то строгому велению...
Может быть, когда-нибудь и я
Здесь пройду едва заметной тенью.

Петербург. Вид Большого театра. Неизвестный художник.
1-я треть XIX в. Картон, акварель, тушь, белила.
© Всероссийский музей А. С. Пушкина.

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Григорьев. Предисловие.....	5
Анна Людвиг (Германия). Под присмотром Атлантов. <i>Стихи</i>	7
Татьяна Якушева Соренсер (Дания). Мой Петербург. <i>Эссе</i>	12
Светлана Севиль (Франция). Мы будем жить! <i>Поэма</i>	16
Влада Боранц (Испания). Бом. <i>Стихи</i>	19
Игорь Белкин (Эстония). Блокадное. <i>Стихи</i>	20
Наталия Пейсонен (Италия). 872 дня. <i>Стихи</i>	24
Никита Рыжих (Украина). Блок Ада. <i>Стихи</i>	25
Леонид Яковлев (Финляндия). Вздох. <i>Стихи</i>	26
Евгений Минин (Израиль). Блокада. <i>Стихи</i>	28
Елена Игнатова (Израиль). Медногубая музыка осени. <i>Стихи</i>	30
Надежда Солдатова (Словакия). Один город — одна любовь. <i>Эссе</i>	34
Татьяна Мартынова (Украина). Нева. <i>Стихи</i>	38
Зинаида Линден (Финляндия). Любовь к трем апельсинам. <i>Рассказ</i>	44
Юрий Касянич (Латвия). Невский ветер. <i>Стихи</i>	60
Ольга Пуссинен (Финляндия). Петербургская метель. <i>Стихи</i>	67

Содержание

Марианна Соломко (Украина). Петербургская весна. <i>Стихи</i>	69
Елена Лапина-Балк (Финляндия). А в Питере весна. <i>Стихи</i>	77
Наталья Наумова (Австралия). Мои возвращения в Петербург. <i>Воспоминания</i>	78
Ефим Гаммер (Израиль). Невские белые ночи. <i>Стихи</i>	82
Иван Собакин (Кипр). Спасибо Вам, Петр! <i>Статья</i>	87
Григорий Минскер (Италия). Детская площадка. <i>Стихи</i>	91
Анастасия Дроздова (Финляндия). С Петербургом — навсегда. <i>Заметки</i>	93
Белла Верникова (Израиль). Петербург. <i>Стихи</i>	97
Евгений Лейзеров (Германия). Набоковский Петербург. <i>Исследование</i>	98
Юрий Герловин (Германия). Северная Пальмира. <i>Стихи</i>	112

ÑÁÍ ÈÒ-Ì ÆÒÆÁÓÐÃ
À Ì Í ÆÉ ÑÓÄÜÄÄ
È ÑÓÄÜÄÄ Ì Í ÄÄÍ Í ÄÐÍ ÄÄ

<i>Редактор-составитель</i>	Е. Лукин
<i>Корректор</i>	Т. Брылёва
<i>Оригинал-макет, дизайн обложки</i>	П. Домбровский
<i>Выпускающий редактор</i>	О. Гражданкина
<i>Главный редактор издательства</i>	И. Знаешев

Книги: от рукописи до тиража
ИЗГОТОВЛЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ
www.skifiabook.ru

Издательство «Скифия»
190003, Санкт-Петербург, 9-я Красноармейская ул., 3/7
тел. (812) 575-25-66
e-mail: skifiabook@mail.ru

Возрастная категория 12+
Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Гарнитура *Georgia*.